

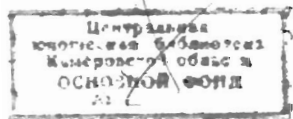
The Keyhole

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

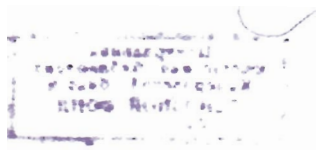
1000

Ордена Трудового
Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
Москва • 1971

Василий Федоров

Стихи • Поэма

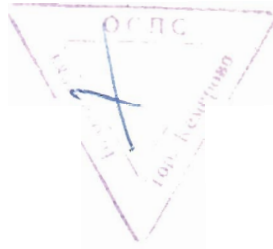

054653

P2
Ф33

Крылья на полдень

41814 41976
~~41814 41976~~
— 23183 см

P2

Φ-33

ОТ АВТОРА

Сначала о названии книги. «Крылья на полдень» — выражение древнее, бытовавшее среди народов Востока и отражавшее боевое состояние духа. Так, с крыльями на солнце в час охоты летают орлы. В таком состоянии им лучше видится земля. Одна из глав моей романической поэмы «Седьмое небо», представленная в этой книге, идет под таким названием. Насколько это оправдано содержанием главы, а тем более всей этой лирической книги, судить не мне.

У каждого поэта есть свой читатель. Некоторые поэты уже заранее адресуют свои стихи определенному кругу людей, имея в виду или их возраст, или профессию, или образование. Для меня подобный подход никогда не имел значения. Своими стихами я всегда обращался только к сердцу и уму того, кто встретится с ними, независимо от возраста, образования и общественного положения.

Казалось бы, эта книга меняет дело.

Теперь у нее есть совершенно точный адрес: советский воин — солдат и офицер. И все-таки, отбирая стихи для нее, я пришел к выводу, что и в данном случае мне не следует менять своего прежнего принципа. Этот вывод рожден сознанием, что

Советская Армия любимая, самая представительная часть нашего общества. Здесь я могу встретить читателя, с которым уже встречался и в колхозе, и на заводе, в институте и школе. Еще возможна встреча с теми, с кем когда-то учился летать в Новосибирском аэроклубе, с кем многие годы, будучи технологом и мастером, строил военные самолеты: бомбардировщики Петлякова, истребители Яковлева.

Но самое главное все же не в этом. Ко всему, что сегодня волнует и должно волновать поэта, советский воин не может остаться равнодушным, ибо он стоит на защите всех духовных и материальных ценностей, созданных народом. Без любви к Родине, к ее прошлому, настоящему и будущему не может быть хорошего поэта, не может быть и хорошего солдата. Без любви к природе не бывает ее певца, как не бывает и верного защитника. Любовь к женщине вдохновляла не только поэтов, но и воинов. Вот почему наряду со стихами о Родине, о природе, о нашем сложном времени в эту книгу я включил и стихи о любви. Но любовь — не единственное чувство, которое сегодня владеет нами. Не случайно, говоря о сложности и напряженности нашего времени, в стихотворении «Лицо века» я вынужден был признать:

Мне сердце давали
Для полной любви,
А любит оно вполовину.

Все сердце любви
Я отдать не могу,
Какой бы она ни явилась.

Оставил я место, на горе врагу,
Чтоб ненависть
Там поместилась.

Теперь о себе. В начале марта 1968 года мне исполнилось пятьдесят лет. Родился я в сибирском городе Кемерово в семье рабочего-каменщика, но городских впечатлений у меня нет. Через год, в трудную пору колчаковщины, наша большая семья, в которой я был девятым ребенком, переехала в деревню Марьевка, что стоит над озером Кайдор неподалеку от речки Яя. Считаю себя деревенским.

До сих пор люблю свою Марьевку, как любил мать. Своей деревне я обязан и первым хлебом, и первым эстетическим восприятием мира. Отца помню смутно. Он умер от тифа, когда мне было около пяти лет. Нас у матери росло так много, что заниматься воспитанием, как это понимается сегодня, не хватало времени. Нас в большей степени воспитывала природа: озеро, река, лес, пашня. Моя любовь к природе, а может, и к поэзии началась с той минуты, когда меня впервые привели на край горы, с которой единым махом я увидел и гладь озера, и заозерный луг, а за лугом речку, а за речкой лес, а за лесом далекий синий туман...

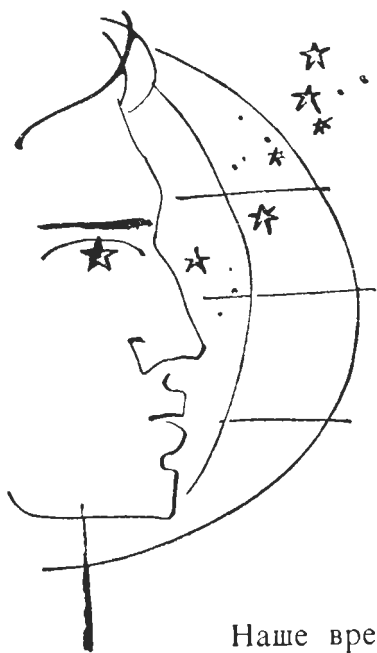
Мне повезло и с литературой. Мои старшие братья стали партийными работниками. Не очень сильные в грамоте, они наверстывали при каждом удобном случае. Приезжая в отпуск, привозили целые тюки политической и художественной литературы. Все это потом оставлялось. Так я встретился с Лонгфелло, Фенимором Купером.

Джоном Ридом, не говоря уже о Пушкине и Лермонтове.

Сейчас в нашей Марьевке уже десятилетка, а в то время было всего четыре класса. Закончив их, мне пришлось потерять год, пока не поступил в соседнюю ШКМ. Закончил я шесть классов и снова на два года вернулся в колхоз. В это время я увидел первый трактор на земле и первый самолет в небе, случайно пролетевший над нашими краями. Мне удалось чудом поступить в Новосибирский авиатехникум, а вместе с тем и в аэроклуб. После окончания техникума я около девяти лет проработал на авиационных заводах. Первые стихи и очерки были напечатаны в их многотиражках.

Писать я начал рано, а печататься поздно. Но здесь не место входить в подробности автобиографии. Если я кое-что и сказал, то лишь для того, чтобы читатель почувствовал природу моих стихов. Для поэта даже не столь важно, где, когда и сколько жил, а что думал и чувствовал, что легло в его стихи. В них — его жизнь. В данном случае в силу объема книги я предлагаю военному читателю если и не всю жизнь, то ее некоторые, на мой взгляд, важные грани.

Вас. ФЕДОРОВ

Наше время такое

* * *

Наше время такое:
Живем от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя:
То в поту,
То в крови наши лбы.

Ну а если
Нам до ста
Не придется дожить,
Значит, было не просто
В мире
Первыми быть.

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду
С тобою.

Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился
Русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.

Другой бы не превысил
И травы,
А я все рос,
Я становился
Выше.

И кровь была
Дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитою,
Другой
Ожесточился бы давно,
А я добрел
Твоею добротою.

По грозам,
По ветрам
Да по снегам
Я заучил
Твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей
Ровесник.

Мы стали
И моложе
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача —
Только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше
Солнце встретит,
Кто среди друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки
На крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печется,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнется,
Как всюду
Закачаются
Моря.

Дробится камень
Под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть
С тобой.

ДРУГУ

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.

Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.

— Мы — люди.
Нас легко обидеть. —
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаям бóльших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал.

Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

СЕРДЦА

Все испытав,
 Мы знаем сами,
 Что в дни психических атак
 Сердца, не занятые нами,
 Не мешкая займет наш враг,
 Займет, сводя все те же счета,
 Займет, засядет,
 Нас разя...
 Сердца!
 Да это же высоты,
 Которых отдавать нельзя.

~~97618~~
~~41814~~
 93293

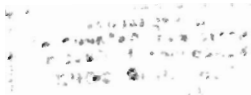

2 В. Федоров
 Центральный
 научно-исследовательский
 Камеронский отдел
 ОСНОВНОЙ ФОНД
 12

* * *

Поколенья..
Мы двух поколений поэты.
Кто зажегся вперед,
Тот вперед отгорит.

Мы с тобой,
Как ступени летящей ракеты:
Оторвется одна,
А другая вперед полетит.

* * *

Средь тех,
Кому мечтается,
В толпе
При свете резком,
Все чаще мне встречаются
Глаза со звездным блеском.

С безуминкой
Они глядят,
Так,
Будто бы
На Марс летят.

Увидев их,
Я сторонюсь,
Мешать им неохота.
Похоже, что вернуть боюсь
Из дальнего полета.

ГАМЛЕТ В СОВХОЗЕ

Сто разных вздохов,
Как одно дыханье,
И, как одно лицо,
Сто разных лиц...
В совхозном клубе
На киноэкране
Страдает Гамлет,
Юный датский принц.

Страдает Гамлет.
Золото венца,
Отечески светившее
Для принца,
Теперь,
Когда живет лишь тень отца,
Блестит все так же
На его убийце.

Страдает Гамлет.
Как же не страдать,
Не мучиться,
Не исторгать проклятий,
Когда из тьмы

Изменческих объятий
С улыбкой прежнею
Выходит мать!

Страдает Гамлет.
Как ему любить,
Как позабыться
В неге голубиной,
Когда уста
Офелии невинной
Уже успели
Ложью отравить!

Страдает Гамлет.
Волны мчатся к скалам,
Чтоб умереть
У датских берегов...
И странный свет
Дрожит над кинозалом,
Как будто льется
Из глубин веков.

Страдает Гамлет.
Свет пылит пылью,
Бледней волос
Загубленной датчанки.
В нем вижу я
Скорбящее лицо
Еще не старой,
Но седой сельчанки.

Страдает Гамлет,
Отпрыск королей...
Сельчанка плачет

Что Гамлет ей?
Холодной душою
Трагедию земли
Не все поймут.
Родную землю
Делали чужою,
Скупою,
Неотзывчивой на труд.

Но с высоты
Страданья своего,
С вершины веры,
Что неугасима,
Она в душе
Бои́тся за него,
Как мать боится
За родного сына.

Сто разных вздохов,
Как ее дыханье,
И, как лицо ее,
Сто разных лиц...
В совхозном клубе
На киноэкране
Страдает Гамлет,
Юный датский принц.

ЛИЦО ВЕКА

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.

Мне с веком моим,
Поседевшим в бою,
Нетрудно в суровости спеться.
И все ж когда бью,
То как будто бы бью
Свое обнаженное сердце.

Быть строгим велит
Атакующий класс,
Но доброе солнце над нами.
Оплакал друзей я...
Припомнил и вас,
Погибших слепыми врагами.

Не я ли о братстве
Во трубы трубил,

Лихую предвидя годину...
Мне сердце давали
Для полной любви,
А любит оно вполвину.

Все сердце любви
Я отдать не могу,
Какой бы она ни явилась.
Оставил я место, на горе врагу,
Чтоб ненависть
Там поместилась.

Неверная злоба,
Как маска, черна
На мудром лице человека.
Мне с жизнью моею
Была вручена
Святая трагедия века.

* * *

Счастливая доля ---
Гордиться друзьями.
Почетная доля —
Бороться с врагами.
Кто родину любит,
Готовый на смерть,
Тот просто не может
Врагов не иметь.

ТРУДНАЯ ГОРДОСТЬ

На плитах
Каменных гробов
В музейной запыленности
Я видел головы рабов,
Склоненные в покорности.

И, значит,
В древности седой
Была такая сила,
Что неизбывною бедой
Те головы склонила.

Вчера увидел я плакат.
На нем,
Порвав с покорностью,
Рабочие вперед глядят
С повышенной гордостью.

В них
Битвы дня отражены,
В них
С дерзкой обнаженностью
Все мускулы напряжены
Железной
Напряженностью.

И, значит,
Рядом с добротой

У мира скорбной ношей
Есть сила зла,
И силе той
Сегодня вызов брошен.

В осанке власть,
В осанке страсть,
Но увлеченным новью
Осанка гордая далась,
Увы, не малой кровью.

Веков
Охрипшая труба
Звала на подвиг ратный,
Чтоб вскинуть голову раба
До гордости плакатной.

Но гордость —
Это не покой,
Когда идет сраженье.
У нас от гордости такой
Побаливает шея.

Когда-нибудь —
За то борюсь! —
Придет конец угрозе,
И гордости излишней груз
Мы, как ненужный,
Сбросим.

Тогда
Кого нам отражать?
Тогда начнем мы сами
Спокойно головы держать,
Как держим их
С друзьями.

* * *

Я понимаю нетерпенье
От жизни
Ждущих
Больших благ.
Что было жизнью поколения,
То для эпохи
Только шаг.

Солдатам на войне,
Считавшим
Последним фронтом
Каждый фронт,
Перед рывком
К земле припавшим,
Казался близким горизонт.

Всё вынесли:
Борьбу,
Лишенье,
А мир, от всех утрат седой,
Он все еще несовершенен,
Он все еще кипит враждой.

Себя
Кому же неохота
Приходом счастья наградить!

Еще не кончена работа,
Еще душа полна заботы,
Но срок —
И надо уходить...

Живых
Живое нетерпенье
Так близко
И понятно так.
Что было жизнью поколенья,
То для эпохи
Только шаг.

И мы живем,
Уже забывши,
Трудами тех,
Кого уж нет.
Так от звезды,
Давно погибшей,
Еще идет к нам
Теплый свет.

* * *

Не бойтесь гневных,
Бойтесь добреньких,
Не бойтесь скорбных,
Бойтесь скорбеньких.

Несчастенькие
Им под стать.
Всегда с глазами смутно-красными,
Чтоб никому не помогать,
Они прикинутся несчастными.

Заметив
Слезный блеск в зрачках,
Не доверяйте им
Ни чуточку..
Я, попадавший к ним на удочку,
Порвал все губы
На крючках.

* * *

Елки-палки,
Гнезда белкины,
А над ними спевка птиц...
Я хожу по Переделкину
Сам не свой,
Как датский принц.

И душа моя
Встревожена
И тоскует неспроста:
От прохожих отгорожена
Вся лесная красота.

Как причина
И как следствие,
Слышится ушам моим:
«Мы на грани сумасшествия!..
Не напрасно ли шумим?..»

Обжигают
Мысли гневные,
Что березки, черт бери,
Как красавицы гаремные,
Прозябают
Взаперти.

Сосны
Загнаны во дворики,
Но спасибо высоте,
Потому что все заборики
По колено красоте.

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство досталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных,
Горячих,
Совершавших большие дела,
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врачу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почувяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,

Но пришлось —
Подлецу улыбнулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу, —
Как предатель,
Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу,
Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.

Не убьешь ее пулей свинцовой
И за горло ее не возьмешь.

Но борюсь я,
Не днями — годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

* * *

Вождами,
Борцами,
Творцами,
Творивших основу основ,
Россия славна именами
Своих благородных сынов.

От самых
Далеких времен
Мы с гордостью их проносили.
Хоть много имен у России —
Россия
Превыше имен.

* * *

О Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!
От Мономаховой зари
Тобой — сочти пойдя —
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди.
Ручьи кровавые лились,
Потоки слов лились.
Все, все — и левые клялись,
И правые клялись.

Быть справедливой
Власть клялась,
Не своевольничать в приказе.
О, скольких возвышала власть,
О, скольких разрушала власть
И опрокидывала наземь!

Народ,
Извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,

Все вековые векселя
Оплачены тобой.
Не подомнет тебя напасть,
Не пошатнешься ты,
Пока над властью
Будет власть
Твоей земной мечты.

У ложных клятв
Бескрыл полет,
Народ — всему судья.
Лишь клятва Ленина живет,
Лишь клятва Ленина ведет,
Все клятвы перейдя.

РОВЕСНИЦА

Она стара,
Не дружит с лестницей
И всходит на нее, ворча,
Односельчанка и ровесница
Володи,
То есть Ильича.

А встретится с юноголосыми, —
И начинает вспоминаться,
Что бегала в ту пору с косами,
Что было ей тогда семнадцать.
Ребята зашумят:
Мол, вспомните
И расскажите как, что было.
И вспомнит, что стирала в омуте
Белье
И мыло обронила.

А было в этот день ненастно,
И он глядел на речку с камня.
— Что, мыло?! —
И воскликнул радостно:
— Предлог прекрасный для купанья! —
У лодок,

Спавших кверху доньями,
Разделся он,
Над головою
Похлопал этак вот ладонями,
Нырнул —
И скрылся под водою.
Всплыл шумно,
Мыло бросил к тазу
И пошутил он, улыбаясь:
— Представьте, отнял у карасиков —
Они от ила отмывались!

Замолкла.
В памяти полощется
Белье,
В глазах вода текучая...

Ребята снова к ней,
Им хочется
Услышать про другие случаи.

Сказала тоном неуверенным:
— Когда бы я, ребята, знала,
Что будет он, Володя,
Лениным,
Тогда б я все запоминала.

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Витая в облачных туманах,
Последних ожидая виз,
Они сидят на чемоданах
И ждут отправки в Коммунизм.
Они душой и телом «новы».
— Скорей, скорей! — твердят всегда...
Хоть завтра, хоть сейчас готовы
Они отправиться туда.

Другие грязи не боялись,
А эти, презирая труд,
От пережитков очищались,
«Очистились» — сидят и ждут.

Таким легко:
Спиной к заботам,
Лицом в мечтательный туман...
А мне идти с моим заводом,
Опять не выполнившим план.

А мне дорогами крутыми
На поиск небывалых дней
Идти с соседями моими,
Со всей оравой их детей.

А мне шагать с моей любимой
Сквозь кухонный переполох,
С моей нигде не заменимой
И даже в лучшей из эпох.
А мне, забыв о нареканьях,
Без страха, без обвиняков,
Ругаться, спорить на собраниях
И наживать себе врагов.

Горячим словом,
Словом бьющим,
О, если б мог я передать
Всю ненависть к лениво ждущим —
Жизнь слишком коротка, чтоб ждать!

До времени —
Пока вы ждете —
Моя седеет голова...
Ведь вы же нашу жизнь крадете,
Как сок земли —
Полынь-трава!

ЕЩЕ О ЗОЛУШКЕ

Поэту, сравнившему себя с Золушкой

Когда неряха моет пол
Истории наследия,
Уже захлюстав свой подол,
Страшно ее усердие.

За чистоту его борясь,
Казалось бы, неистово,
Она лишь переносит грязь
На половицы чистые.

Сегодня бал —
Скорей, скорей!
Бездумная головушка,
Так захотелось в сказку ей,
Что притворилась Золушкой.

Сегодня бал,
И что скрывать,
На бал успела модница,
А пол за нею домывать
Придется домработнице.

Сегодня бал.
На ножках лак.

Там — юный принц заметь ее! —
Забудет Золушка башмак
Размера сорок третьего.

По мне,
Пусть ходит на балы,
И потому тем более
Не доверяйте ей полы
В следах и крови и золы,
Оставленных Историей.

* * *

Я жил — не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.

Я жил — не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.

Я жил — не заметил;
Заметив, не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.

Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

КРАСИВЫМ

Люблю красивых...
Жизнь их,
Быт их,
Глаза,
Улыбку,
Добрый смех
Воспринимаю как открытье,
Наиглавнейшее из всех.

В них все:
И ум,
И обаянье,
И гордый жест,
И поступь их —
Мне явится, как оправданье
Всех мук моих,
Всех слез моих.

Зачем
Прекрасными чертами
Так полно каждый наделен?
Красивые,
Они за нами
Пришли
Из будущих времен.

* * *

Мы постареем.
Может статься,
Мы слишком рано поседеем,
Но мы,
По совести признаться,
Претензий к жизни не имеем.

С отцами
Не были мы в ссоре,
Что приняли от них не рай.
Мы жили.
Радости и горя —
Всего нам было через край.

О, сколько нужно сил весенних,
Чтоб оказалось по нутру
При всех тяжелых потрясениях
Стоять на мировом ветру.

Через соленые моря
Людской крови,
И слез,
И пота
Мы путь прошли от букваря
До межпланетного полета.

И пусть нас недруги корят,
И пусть пророчат нам забвенье.
Мы жили.
В поздних поколениях
Еще о нас поговорят.

* * *

Что пользы
Вечно малым пробавляться:
Бояться жить
И умереть бояться!

В ДЕРЕВНЕ

За окном
Густеет сумрак ночи,
Завывает дикий зверь в лесу,
Будто кто-то неумело точит
Острым камнем ржавую косу.

Стареньким железом крыша крыта,
И под ней,
Увенчанной трубой,
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями и тобой.

Не журит никто,
Не утешает
И не покушается на честь.
И ничто на свете не мешает
Видеть мир таким,
Какой он есть.

Плох, хорош ли —
Никуда не деться,
Из него при жизни не уйдешь,
Только знаешь, если приглядеться,
Он по правде
Все-таки хорош.

Из борьбы,
Из сутолоки вечной,
Весь в крови, в поту,
Едва дыша,
Человек выходит человечесней,
И душевнее его душа.

Холод пусть,
И не осилить дрожи,
Пусть всему живому не легко,
Но в подойник
В этот холод все же
Теплое струится молоко.

Благодарный
Истинам открытым,
Снова я готов на жизнь и бой.
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями
И тобой.

* * *

Я писатель —
Не пустой мечтатель,
Никакого зла не убоюсь,
Все ж с тревогой
За переключатель
Радиоприемника берусь.

Преодо мной
Глазок в тот мир трепещет...
Шум прошел, мне душу омрачив,
Будто птица черная зловеще
Прошумела крыльями в ночи.

Загудела,
Зашепталась хвоя...
А за нею, где-то вдалеке,
Где-то за морями волки воют
На моем,
На русском языке.

Наш язык,
Все беды переживший,
В чистоте прошедший по векам,
О язык наш,

Ленину служивший,
Как ты дался, праведный, врагам?!

Человек
Характера не злого,
Знающий давно,
Где яд,
Где мед,
Против слова я бросаю слово,
Против самолета — самолет.

* * *

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,
Летели
Напуганные чем-то облака.

Да, да, они летели,
А не плыли,
Они спешили,
Изнизу горя,
Как будто серо-пепельные крылья
Им обожгла высокая заря!

А по земле,
Неся с собой прохладу,
Хлеба и травы делая темней,
Еще тревожней пробегало стадо,
Причудливое стадо
Их теней.

Казалось,
Не был мир еще распознан
И, смутный,

Ждал рожденья моего,
Казалось, был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его.

Казалось, все, что есть под небесами,
Я должен был
Обжить и обогреть...

Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Таковыми вот глазами!

* * *

Пересохли жаркие ручьи,
Отпылали, отшумели страсти...
Возвратясь от доменной печи,
Охнул, слег и...
Умер старый мастер.

Не было седины в бороде,
Даже грудь, по слухам, не болела,
Просто у него в большом труде
От железа кровь отяжелела.

И зимой
По стуже ледяной,
Знойным летом, в мареве белесом,
Взятое из недр земли родной,
Поездами шло к нему железо.

Дань земли,
Что брал он, велика:
Из ручьев горячих, бивших в створы,
Огненная вышла бы река,
А из руд
Могли б сложиться горы.

И теперь
За все, что в недрах брал,
Что в огне горячем переделал,
Он земле в уплату отдавал
Маленькое сухонькое тело.

Никому,
Кто знал его давно,
Не казалась малой эта плата.
Сухонькое, легкое, оно
Стоило того,
Что было взято.

ЛЮБОВЬ И ХЛЕБ

Через улицу,
Через будни,
В нежных чувствах не сразу понятый,
Добрый хлеб под названьем «спутник»
Несу на руке приподнятой.

Скажут:
Хлеб — избитая тема.
Я иду и смеюсь над такими,
И несу домой каравай, как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

Этим румяным,
Этим горячим,
Пахнущим так заманчиво,
Этим хлебом труд мой оплачен,
Песня моя оплачена.

Но даже самую лучшую песню,
Самую звонкую и земную,
С сухарем в купоросной плесени,
Не стыдись, зарифмую.

Хлеб несу!..
Поделюсь к женою,
Не скупясь на слова хвалебные.
И припомнится детство мое ржаное,
Юность моя бесхлебная.

С лебедою,
С трухою всякою
Ел «тошнотник» с корочкой тусклой.
А если встречалась булочка мягкая,
То она уже
Называлась французской.

Хлеб несу!..
Удивляются, вижу,
Даже только что евские
С белого блюда.
Но стоило мне приподнять его
Чуть повыше,
И все увидели чудо.

Сразу пришло
Давно знакомое:
Поле и молодость
С днями неспрадными.
Сладко запахло старой соломой,
Мятой-травой
И цветами разными.

И увиделось, как воочью:
И косяба,
И стогов метание,
И межа, бегущая к ночи,

И на меже
С любимой свидание.

Любовь и хлеб —
Извечные темы.
Славя хлеб, как любимой имя,
Несу домой, приподняв его,
Как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Одна страница перелистнута,
Шесть строк —
И книжка прочтена.
Но в эти строки много втиснуто:
Полжизни, не считая сна.

Она скромна. Сусальным золотом
Ее никто не покрывал.
Вот первая строка —
Под молотом
Два года я ее ковал.
Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе.
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

Второй строкой
Три года отнято,
Она была в литейной отлита...

В те дни,
Не очень отдаленные,

Она казалась огневой.
Теперь остыла, закаленная,
И отливает синевой.

Шесть строк,
И кованных и плавленных,
Шесть строк, коротких и простых,
Шесть вех,
Негаданно поставленных
На поворотах
На крутых.
Шесть глав неповторимой повести
О судьбах на земле родной —

Шесть строк
Как шесть упреков совести
За ненаписанное мной...

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов:

— Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...

— Пиши, — сказали, — коли пишется,
Коль жнать способности дала,

Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

ИМЯ

Как только станем взрослыми,
Займем какой-то пост,
Начнут долбить вопросами:
— Где жил?
— Как жил?
— Как рос?

И кто бы ни расспрашивал,
Я часто отвечал:
— Жил бедно.
Все донашивал
Со старшего плеча.

Рос быстро.
Скажем, валенки.
Войдешь в их пустоту
И сразу видишь — маленький.
А делать что?
Расту!

По слову
Жизнь мне давшего
В торжественной ночи,
Вот так от брата старшего,

Меня не увидавшего,
Я имя получил.

А имя то хорошее,
Браток звался Василь,
Немного было ношено.
Отец сказал:
— Носи.

На мне одежда латана
Сгорела, как в огне,
И только имя братово
По-прежнему при мне.

Его точили недуги,
Не делая старей,
Его трепали недруги,
А имя все добрей.

* * *

Вспоминается детство
И мать моя, жница,
Пятистенной избы
Вековой полумрак,
А в переднем углу
Вся в иконах божница,
На которой я прятал
Свой медный пятак.

У меня был расчет,
Да к тому же и тонкий,
Что не каждый решится
К богам на визит.
Ну, а ежели что,
Любопытной сестренке
Николай - чудотворец
Перстом погрозит.

Ото сна и ко сну
Перед Девой Пречистой
Бестолково взлетала
Моя пятерня,
А уж старшие были
Давно коммунисты,

Между ними и мамой
Шел спор за меня.

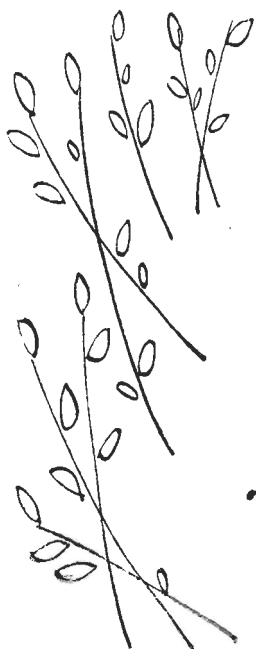
Я душою —
То к ним,
То к обиженной маме,
А у мамы дела
Да привычка страдать.
И однажды в грозу
Перед всеми громами —
Есть ли бог или нет? —
Я решил испытать.

Помню,
Воздух от молний
Взрывался, как порох,
Наплывала тяжелая
Душная гарь.
Я решил.
Я взбежал на Астахов пригорек
Я, бледнея, сказал:
— Если есть ты, — ударь!

И ударило.
Молния трижды сверкала.
Трижды неба разлом
Надо мною зиял.
Трижды детское сердце мое
Замирало.
А потом — ничего,
Отошло.
Устоял.

Был тот день для меня
Днем второго рожденья,

Днем начала открытий,
Исканий моих.
Если я убежден,
Нерушимы мои убежденья,
Потому что
Я жизнь свою ставил за них.

На Родине моей

РОССИЯ

Я много жил,
Пожить бы столь же.
Себя от всех не отделю.
Чем на земле живу я дольше,
Тем больше я тебя люблю.
Ты с каждым годом все красивей,
Милей, чем солнце поутру.
И имя гордое — Россия
Звенит,
Как знамя на ветру.

* * *

Мне жизнь моя —
Не темный лес,
Но странно иногда до жути,
Как будто с голубых небес
Спустился я на парашюте.

Как будто жил в других мирах
И все, что вижу, -- неизвестность,
Как будто где-то в дальних снах
Я смутно видел эту местность.

И здесь,
Отмеченный судьбой,
Любуюсь я травкою в росах,
Березами за городьбой,
Кукушками на тех березах.

Живу,
Влюбляюсь
И дивлюсь,
Что, разлучая с небесами,
Судьба мне подарила Русь
С ее полями и лесами.

И это все
День ото дня
Люблю все искренней и пылче,
Но скептики твердят, что я
Годами жизни ограничен.

— Да, да! — твердят. — Как ни ликуй! —
И я кричу в листве плакучей:
— Кукушка, друг, перекукуй
Мне молодость
На всякий случай.

* * *

Где глухие своды нависали,
Новое прорублено окно.
Здравствуй, лес,
В твоём колонном зале
Не был я давно.

Ты скажи мне,
Тихий и мятежный,
Дорого ль платил
Мастеру, который так небрежно
Свод позолотил?

Сколько дней,
Незримый и для зрячих,
С властью без границ,
Бродит здесь непрошенный подрядчик
И пугает птиц.

Все они давно поулетали
В новое окно...
Здравствуй, лес,
В твоём Колонном зале
Не был я давно.

* * *

Говорят,
Что красоты не стало.
И река и берега в снегу.
Полыхают ветки краснотала
На крутом
На белом берегу.

Холодно.
Безоблачно.
Бесстрастно.
Приутихли даже ветерки.
Среди белых кружев так прекрасно
Незастывшее лицо реки.

Все как в сказке:
Сгубленная злыми,
Принявшими самый добрый вид,
Между берегами снеговыми
Мертвою царвною лежит.

Никого вокруг себя не вижу.
Только я,
Наполнив болью грудь,
Только я один сегодня вышел
Проводить ее в последний путь.

Только я один ее утрачу,
День запомнив этот и число,
Только я один стою и плачу,
Будто мне
Опять не повезло.

* * *

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей, должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.
Сместилось все
В сознании моем:

Как будто брежу дальними огнями,
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.

На родине моей
Повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

* * *

Всё слова, слова,
Всё речи, речи!..
От родимых пашен вдалеке,
Я давно не выходил навстречу
И лицо не подставлял пурге.

Море жизни,
За вину ль какую
Я прибит к бумажным берегам?
Трижды замерзавший,
Я тоскую
По ветрам,
Тоскую по снегам.
Я тоскую по крутым морозам,
Я тоскую по гремучим грозам,
По тревоге:
Быть или не быть?

Я — такой.
Нужны мне испытанья,
Мне нужны тревоги и страданья.
Я без них
Не научился жить.

Всё слова
И всё речей водица
Вместо снега, леса и зари...
Городскому —
Мне все чаще снится
Белый снег,
И снятся снегири.

* * *

Зимний ветер,
Гигикни над елью,
Над сосной, где укрылся глухарь,
Закружи меня белой метелью,
Подними
И о землю ударь.
Сделай так, чтобы в снежные хоры
Голос рощи все время вплетал
Позабывтую песню, с которой
Я когда-то легко засыпал;
Песню матери,
Певшую в горе
О наказе купца, чтоб жена
К беспокойному синему морю
Не водила коня-бегуна.

«Он приказывал,
Он наказывал,
Не води коня на синё море,
На синё море,
На быстру реку.
А она его не послушалась,
Повела коня на синё море,
На синё море,
На быстру реку...»

Мать споет,
И сама прослезится.
Под старинную песню ее
Пусть засну я,
И пусть мне приснится
Ускакавшее счастье мое.

СЛЕДЫ

Вспоминается:

В книге я встретил
Очень горькие строки о том,
Будто в семьях лишь первые дети
Обладают богатым умом.

Говорил я с обидой ребятам:
— Вот настанут большие дела,
Разве я виноват, что девятым
Мать на поле меня родила.

Не скажите,
Что был я нескромен
Тем, что грань разнолетья стирал, —
Братья были
Строители домен,
Удивительных дел мастера.

Для обиды
Есть разные поводы:
Я догнал бы, но, как на беду,
Начались торопливые проводы...
В сорок первом году.

Никогда,
Никогда не забуду:
Мать глядела и мяла платок...
Разорвать наши взгляды с минуту
Даже поезд, казалось, не мог...

Никакие меня неудачи
Не сумели пригнуть и сломать.
Стал я первым в семье,
Но иначе...
Вспоминая потерянных, плачет,
Моя старая, тихая мать.

Даже если и слезы бывают,
Их не видит никто.
Поутру
Слишком быстро они высыхают
На холодном сибирском ветру.

Даже больше —
Весенними днями,
Когда жизнь проступает во всем,
Их смывает косыми дождями
На горячий крутой чернозем.

Помню путь
К материнскому дому:
Проходя за пределом предел,
По-иному, совсем по-иному,
Не по-детски на мир я глядел.

Отдохнув на траве придорожной,
После стольких
Стремительных лет

Я шагал по земле осторожно,
Сапогами печатая след.

Было грустно.
Скажу откровенней:
Наклоняясь над теплой пылью,
Я как будто ослаб на мгновенье
И присел на родное крыльцо.

Вечерами
Здесь братья сидели
И делились заботами дня...
Все, что сделать они не успели
В этой жизни,
Легло на меня.

Чтоб сказать
О потерях негрубо,
Вспоминая братанов своих,
Целовал материнские губы
Много раз —
За себя и за них.

КОРНИ

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
Знаю родословную свою
Только до четвертого колена.

Что за ним —
Не слышал ничего я.
Прадед был, и — помню из преданий —
Он ходил по Волге с бечевою
От верховья
К Астрахани дальней.

В некий час
Не Волга ли внушила
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она, не мешкая, спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

Он протиснулся с лямкою тугою
И проехал полземного шара...
По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.

Говорят,
В дороге лошадь пала.
И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок верст без мала
Вез телегу
Прадед мой Левонтий.

А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошел на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.

Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О мои решительные деды, —
Знатоки земли и рудознатцы!

Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.

Жены-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою басили
И опять пускались в бездорожье.

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,

Мой отец совсем еще подростком
Строить стал сибирскую дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

БАЙКАЛ

Ложась вздремнуть у темных скал,
Не хороня своих секретов,
Мне выражал старик Байкал
Свою обиду на поэтов.

— Они поют меня всегда,
Когда кипит моя вода,
Когда порыв мой дик и бешен,
Но почему-то не тогда,
Когда я тих и безмятежен,

Когда, закончив с ветром спор,
Я вытянусь, решив погреться,
И девушка с высоких гор
В меня приходит поглядеться.

Прозрачный, как одна слеза,
Я неподвижным быть умею.
Ее монгольские глаза
Я сделать уже не посмею.

На мне приметен каждый блик
И каждый луч,
По мне скользящий...

Быть может, этим я велик,
Быть может, в этом настоящий.

Не расшатать мне вечных скал,
Да и, признаться, труд напрасень. —
Так говорил старик Байкал,
И был с Байкалом
Я согласен.

СЕВЕР

В лицо нам ветер бьет морской.
К Полярному пришли мы кругу,
И сердце полнится тоской,
Тоскою севера по югу.

Неизъяснимою тоской
По нашей беленькой березке,
По солнцу,
По твоей прическе,
Придуманной когда-то мной.

Где трав зеленые шелка?
Здесь мхи пестреют, как заплаты,
Вот так в одежду бедняка
Притворно рядится богатый.

Здесь иву стужей повело,
А на глубинах под кустами
Окаменевшее тепло
Лежит тяжелыми пластами.

За склады
Каменных углей,
Прикрытых мохом и морошкой,
Холодный север,
Как людей,
Встречаем мы не по одежке.

ПЕЧОРА

Река Печора,
Лебедь белая,
Средь неприветливых полей
Плывешь ты, чистая и светлая,
Светлее юности моей.

Селенья встретятся
И минутся.
Лебязьи крылья на ветру
То слишком широко раскинутся,
То сложатся —
Перо к перу.

Плывешь ты
Мимо скудной пашенки
На дальний поклик лебедят,
И зачарованная важенка
Глядит из тундры на тебя.

Неси меня
К сердцам непочатым,
В студеные неси моря...
Мне на крыле твоём узорчатом
Приснилась молодость моя.

* * *

Холмы,
Расшитые узорами,
Не привлекали нас к житью.
Над Хонгурейскими озерами
Гагара плакала — к дождю.
И все окрест,
Все дали дальние
До еле видимой версты,
Как ненца древние предания,
Туманны были
И пестры.

Я шел
И вдруг остановился,
Во власти неизбывных дум.
Вдали стоял твой белый чум,
Над чумом сизый дым курился.
У чума твой стоял олень.

Глядел я,
Как, сметая тени,
По золотым рогам оленя
Восходит
Заполярный день.

Хотелось мне,
Шагая тундрой,
Чтоб в жизни, где бы ни жила,
Но на любой дороге трудной
Ты
Впереди меня ждала.

МОРОШКА

Пустынно.
Ни тропинки.
Ни дорожки.
Замшелые холмы,
Как волны
В шторм,
И запах подмороженной морошки
Напоминает что-то...
Что же?
Что?

И тучи,
И гагары слезным криком,
И солнце погасающим лучом
Напомнили о чем-то о великом,
О чем-то скорбном...
Но о чем?
О чем?

Да, да — морошка...
Поданная с ложки...
Представил,
Как в боренье с немотой
Ослабший Пушкин

Попросил морошки,
Вот этой самой,
Кисленькой немножко,
Вот этой самой,
Скромной и простой.

И, глядя
На полярную зарю,
Сказал я тундре,
Что вокруг лежала:
Благодарю.
За то благодарю,
Что в смертный час
Его ты утешала.

* * *

В глазах еще белым-бело...
По северу кочуя,
Я видел лебедя крыло,
Я видел лебедя крыло...
Им подметали в чуме.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скрипят натруженные снасти,
В корму волна сердито бьет...
Купец Никитин Афанасий
Из дальней Индии плывет.
Вокруг кипит морская пена.
Почти утратив русский вид,
Тверич в халате бессермена
На горы крымские глядит.

Там где-то Русь,
Там Волги плесы,
Там Тверь!
Сродни морской воде
Соленые скупые слезы
Сбегают к русой бороде.
От слез и солнца
Море в блеске,
Дрожит в тумане горный кряж,
И стены Кафы гемузской
Еще похожи на мираж...

За ним —
Три моря переплывтых,
Чужие земли, города,

Базары, женок непокрытых
Коричневая нагота.

За ним — тропические ливни,
И зной,
И бред тревожных снов.
Над всеми золотые бивни
Султанских ряженных слонов.
За ним — чужих народов битвы,
И он от родины отвык.
Магометанская молитва
Упрямо лезет на язык.
Волнуясь, шепчет пилигрим:
«Аллах, рагим... Аллах керим...»

Но вот
Нога земли коснулась,
И, словно к берегу прибой,
Речь русская к нему вернулась
И полилась сама собой:
«Я, Афанасий, раб твой, боже,
Плетусь в родимые поля.
Везде, где был я, нет пригожей
Земли, чем русская земля.
Весной в цветах,
Зимой седая,
То в злате вся, то вся темна.
Вся грешная и вся святая,
Лесная, горная, степная,
Озерная —
На всех одна.

Не жемчуг —
Весть о жизни схожей

Принес я из-за трех морей.
Бояре наши и вельможи
Вельмож индийских не добрей.

Храни ее,
Чтоб укрепилась,
Стояла б до исхода дней.
Храни ее...
И справедливость
Да установится на ней!•

* * *

Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.

С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьет в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.

Любые страхи нипочем,
Но я страдал, когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд похожим на слезу.

И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты не замечал
Снующих по нему людей.

Я с неба совершал побег.
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,

Опять росло,
 росло,
 росло...

Я не завидую орлам.
Земной — с земли не убегу.
Я человеческим делам
Не удивляться
Не могу.

ОЗЕРО КАЙДОР

Мне память горше,
Чем родни укор.
В моей деревне,
Что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,
Все в звездах лилий
И в кудрях осоки.
Есть уголок среди травы густой,
Где можно искупаться и напиться,
Есть бухточка, где бережок крутой
Всегда в следах
Точеного копытца.

Как тот больной,
Что беспричинно чах,
Шел я лечиться к одному, к другому
И, разуверившись во всех врачах,
Побрел с поклоном к знахарю седому.

В обход деревни
По густой стерне
Несу Кайдору боли и невзгоды.
Здесь,
Прежде чем пойти к своей родне,

Я исполняю ритуал прихода,
А приходить стараюсь на заре,
В тот ранний час,
Когда туманны дали,
Чтоб из домов, стоящих на горе,
Меня ничьи глаза
Не увидали.
И мы вдвоем:
Лишь озеро да я —
Душа моя да сонных вод разливность.
И ничего на сердце не тая,
Снимаю все —
Одежду и стыдливость.
Шепчу воде:
«Как в детстве обними,
Дай чистой ласки маленькую малость!
Сними печаль,
Сними с меня усталость
И тяжесть лет добавленных
Сними!»

Я был доверчив,
Стал я к людям строже,
Порой смолчу и чувства утаю.
Я трижды был обманутым,
И все же
Ты мне верни доверчивость мою.
Пусть ошибусь,
Пусть огорчат, расстроят,
Пусть снова заблужусь в сердцах
людских.
И все-таки уверен — люди стоят,
Чтоб жизнью,
Счастьем я платил за них!»

Так я веду
Языческие речи,
А сам иду. Вода уже по грудь.
Вода уже давно покрыла плечи,
Вода все выше, выше...
Не вздохнуть.
Меня вода кайдорова милует,
Должно быть, я воде ответно люб.
Она целует в губы,
В лоб целует
И поправляет поредевший чуб...

Мне память горше,
Чем родни укор.
Уже три года в час отдохновенья
Не приходил я к озеру Кайдор,
Не исполнял обряда
Обновленья.

КОСТЕР

Что такое костер?
Я отвечу вам
Просто и прямо:
Без огня —
Это куча
Отжившего хлама.

Это тлен тальника,
Что подмыло весною,
Это стебель цветка,
Отпылавшего в зное,
Это дуба листы,
Что висят до мороза,
И виток бересты
Отшумевшей березы.
И пенечек с трухой,
Что неспешно затлеет.
И подсолнух сухой
С перекрученной шеей.
То, что взгляду далось,
Было в сумерки взято.

На костре собралось
Все, что жило когда-то...

Что такое костер?
Это добрый
Высокий огонь.
Протяни к нему руки,
Обнявши ладонью ладонь,
И присядь,
И побудь,
Чтобы вдоволь погреться.
Грейся, но не забудь
Ты к огню приглядеться.

Если б не было тьмы,
Ты увидел бы проще:
Дым похож на дымы
Зеленеющей рощи.
Легкий дым уже густ,
И над ним, как бывало,
Вспыхнет розовый куст
Тальника-красногала,
А потом из дымка,
Что опять озарится,
Алый выплеск цветка
Над костром повторится.
Закурчавится дым,
Закружится, завьется...
Вдруг подсолнух над ним
Зацветет, засмеется,
Постоит,
Подождет
Солнце, спящее где-то,

И опять упадет,
Не дождавшись рассвета.

Что такое костер,
Осветивший ночные кусты?
Это час воскресенья
Былой красоты.

ХОЗЯЙКА

Березник...

Заприметив кровлю,
Антенн еловые шесты,
Как перед первой любовью,
Вдруг оробел за полверсты.
Свет Марьевка!
Но где же радость?
Где теплота?
Где встречи сладость?
Томительная виноватость
В груди отравой разлилась.

Виновен?

В чем?

Припоминаю

Всю трудно прожитую жизнь,
Ромашки белые сминаю,
Топчусь на месте,
Хоть вернись.

Напомнили мне стебли-травы,
Напомнил голубынь-цветок,
Что я хотел ей громкой славы.
Хотел.

И сделал все, что смог.
Другой деревни нет известней
Ни по соседству, ни вдали.
Она заучена, как песня,
Поэтами моей земли.

Слова кресалами кресала,
Высокий я возжег костер.
Что ж горько так?
Не от письма ли
С унылой жалобой сестер,
Что жизнь в деревне
Стала плоше,
Что хлеб попрел,
Раздельно скошен,
Что в роковом ряду имен
Их председатель
Вновь сменен...

А помню,
Светлым и крылатым,
Когда и рук не натрудил,
Мальчишкой в году тридцатом
Я агитатором ходил.
Но главное не в окрыленье,
Не в силе слова моего.
Со мною был товарищ Ленин,
И люди слушали его.

К забытым радостям причастен,
Я шел и мучился виной,
Что нет в моей деревне счастья,
В тот год
Обещанного мной.

Я тихо шел.
На повороте
Из придорожного леска —
Авдотья, что ль?..
Ну да, Авдотья
Гнала брыкастого телка.
В одной руке пушился веник,
Другой придерживала свой
В углах подоткнутый передник
Со свежей ягодой лесной.
Теперь усталой и болящей,
Когда-то, дальней из родни,
Высокой,
Статной,
Работающей
Записывал я трудовни.

— Вась, ты ли? —
С нежностью великой
Пахнуло в милой стороне
И веником,
И земляникой,
Душевно поднесенной мне.
— Поди забыл... Испробуй нашу... —
Ладонь, шершавая с боков,
Была как склеенная чаша
Из темных,
Мелких черепков.
Румянясь,
Ягода лежала,
Тепличной ягоды крупней,
Светилась,
Нежилась,
Дрожала,

Э-э, я претензию имею.
Передний, крайний — все родня.
— Наш фельдшер, ежели я болею,
Так он и слушает меня.
И что болтаю! —
Хитро глянув,
Прутье перебрала в руке. —
У нас, у старых, как у пьяных,
Не держится на языке.
А где ж телок?
Убег?
Гляди-ка! —
Простилась попросту кивком
И, пахнувшая земляникой,
Поторопилась за телком.

А я-то думал,
Как зазнайка,
Что в чем-то виноватым был...
Она судила как хозяйка
Своей земли,
Своей судьбы.
И все ж, не позабыв урока,
Я шел, виновный до конца,
Не в роли
Юного пророка.
А в долге
Зрелого бойца.

* * *

Цветы,
Родившиеся ночью,
Заглубели на заре,
Как будто порванное в клочья,
Лежало небо на траве.

Я вспомнил
Слышанное где-то,
Что небо, захотев вздремнуть,
Ложится на земную грудь
И отдыхает до рассвета.

СТРИЖИ

Иду я вдоль межи,
Вдоль ржи,
Густой и шаткой.
Привет,
Привет, стрижи,
Привет,
Привет, касатки!

Мне хорошо сейчас,
Как никому на свете.
Я счастлив, что у вас
Уже летают дети.

Я рад,
Что вдоль межи
Уже и рожь усата.
Привет,
Привет, стрижи,
Привет и вам,
Стрижата!

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

Она,
Колесная,
Копытная,
Нелегкий груз перенесла,
С годами всеми позабытая,
Травой густою поросла,
Цветами синими и белыми
Над влажной мякотью дерна
И стебельками переспелыми
От очень давнего зерна.

Веселый,
С новыми замашками,
Придя от улиц городских,
Я потянулся за ромашками,
Но оступился и притих.
И вышло в глубях сердца скрытое,
Как вышла из небытия,
С годами мною позабытая,
Дорога старая моя.
И появилась мысль тревожная,
Что очень многие из нас
На прошлом,
Позабыв то прошлое,
Еще оступятся не раз.

* * *

Л. Ф.

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн веселую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой,
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с веселыми стрижами
О чем-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,

Все сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу,
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

* * *

Куда ни глянешь,
Всюду лес горит,
Горит легко, бестрепетно и тихо.
Мне осени печальный вид
Татарское напоминает иго.

Когда гляжу на одинокий клен,
То начинаю видеть за туманом,
Как по холмам
Из пасмурных времен
Кочевник скачет на коне буланом.

Склонясь
Над самодельною стрелой,
Любуется он, лошадь понукая:
Вот вспыхнул наконечник смоляной,
Вот натянулась тетива тугая...

Запели стрелы,
Словно осы в зной,
Как в дни осад, на башни крепостные
Попадали за хвойною стеной —
И запылали терема лесные!

Там дуб,
Там куст рябины запылал,
Огонь осины стал еще багряней.
А злой ордынец все скакал, скакал,
Скакал и мстил
За неуплату дани.

Осенним днем
Я вспоминаю зло,
Ушедшее навеки, безвозвратно.
Весь лес горит, а на душе светло.
Вся Русь горит,
А на душе отрадно.

РУССКАЯ СКАЗКА

До жалости,
До огорченья
Меня волнует
С детских дней
Таинственное обращенье
Людей в животных
И зверей.

Мороз по коже,
Дыбом волосы,
Когда, уставя умный взгляд,
Они в беде заговорят
Тоскливым
Человечьим голосом.

Когда в лягушку
Камень бросят,
Она — о, боль моя и грусть! —
«Не убивай меня, — попросит, —
Тебе я в жизни пригожусь...»

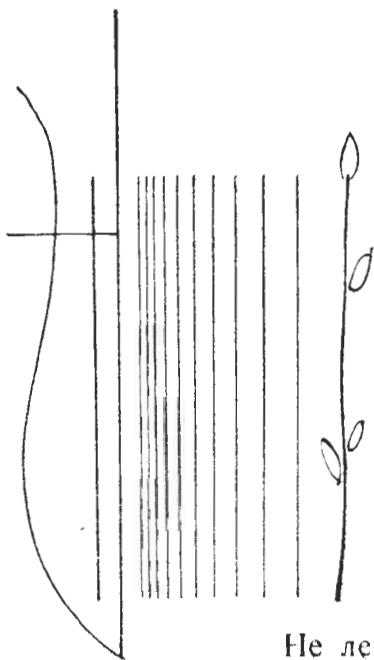
Но вот
Копытом конь забил,
Заговорил, измаян бегом:

«Я был когда-то человеком,
Я тоже девушку любил.
Меня оборотил Кащей...»

Что сказка?
Вымысел и шутка.
Но станет пасмурно и жутко
От этих колдовских речей.

А вдруг
И я уже другой,
Какой-нибудь зверино-птичий,
И в этом жалостном обличье
Неузнаваемый тобой?!

Взмолюсь
И попрошу возврата
К тому, как жил,
Страдал, любил...
Не убивай меня!
Когда-то
Я тоже человеком был.

Не левее сердца

МОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Не богом кроен,
Не богиней шит,
Но и себе и прочим
Цену знает.
На вечерах
В восторге не визжит,
Перед начальством
Шапку не ломает.

Бывает часто,
Пышный переплет
В себе скрывает скуку
Мысли тощей...
Поэта книгу,
Ставшую потолще,
Он, мой читатель,
Часто не берет.

Нарядами
Его не проведешь.
Он рано помудрел,
Борясь и строя.
Веселый,
Дерзкий,

Как же он похож
На моего
Любимого героя!

Душою нежной,
Сердцем золотым,
Как в жизни,
И в моих стихотвореньях
Он не святой,
Поскольку стать святым
Ему и мне
Мешает нетерпенье.

Он в стих
Не лезет,
Как мальчишка в сад,
Чтоб вишнею неспелой
Насладиться,
А коль войдет,
Не вытолкнешь назад,
А коль войдет,
Заставит потрудиться,
А коль войдет,
Войдет не налегке,
Утяжелит
Лирическую тему.
Большой,
Он не поместится в строке.
Подай ему весь стих,
Подай поэму!

Пиши,
Волнуйся,
Мучайся,

Страдай,
Но молодому,
Поступаясь многим,
Не фифу,
А любимую подай.
Он жить в стихе
Не хочет одиноким.
Он к ней пробьется,
В помыслах высок,
А без любви
Смиришь его едва ли:
Перемахнет
Через заборы строк,
Барьеры рифм —
И поминай как звали!

С читателем,
А он во всем таков,
Свою мечту
Отыскивая в буднях,
Задолго до поэм
И до стихов
Встречались мы
На трудных перепутьях.

В дни горя,
В дни бесславья своего
Лишь в нем ищу
Надежду и опору.
Любовью,
Дружбою
И даже ссорой
Я без уступки
Выстрадал его.

* * *

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Кто сказал, что нам легко с тобою,
Дорогая родина моя!

Мы выносим бремя вековое,
Мировое побеждаем зло,
Потому и слово трудовое
В честный стих
Ложится тяжело.

Я словам
Не всяким доверяю.
Прежде чем доверить душу им,
Я слова на крепость проверяю,
Выверяю именем твоим.

Чтобы смертью скорой
Не почить им,
Я препоручаю чувства, мысль
Тем словам,
Что не за чаепитьем,
А в труде нелегком родились.

Только тем,
Что поднялись из глубей
Доброй человеческой души,
Нынче не до мелких честолюбий,
Не до славы,
Стоящей гроши!

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Нам легко
И нелегко с тобою,
Дорогая родина моя!

ТРИ ВОДЫ

Горит душа,
Горят сады,
Великий зной
Томит природу.
В извечном поиске воды
Копай, копай —
И встретишь воду.

То будет
Первая вода.
Она неглубоко под нами,
Она питается дождями,
Она бывает не всегда.

Недавно шумный ливень лил,
И вот,
Омывшая все поле,
Она еще под цвет земли,
И в ней еще так много соли.

Близка,
Она вас напоит,
Когда еще стоит прохлада,
Когда и жажда не томит

Ни тела,
Ни души,
Ни сада.

Ищи вторую,
Глубже рой,
И ты дороешься в глубинах
До чистой до воды второй,
Придержанной на плотных глинах.

Она давно томится тут,
Пути глухие пробивая.
Ее уже охотней пьют,
Хотя она не питьевая.

Струится, будто нити вьет
На глине красной и осклизлой.
Она еще во всем капризна
И в засуху,
Глядишь,
Уйдет.

А ты копай.
Не требуй платы.
Устало не гляди в зенит.
А ты копай,
Пока лопата
Торжественно не зазвенит.

Остановись и жди тогда.
Со дна потерянного русла,
Мерцающая холодно и тускло,
Проступит древняя вода.

Она светла.
Не замути.
Она прошла,
Чтоб выйти ясной,
Все мимолетные соблазны,
Все смуты долгого пути.

Она бугрится и дрожит,
Лепечет что-то,
Гальку моя.
Пришла.
Уже не убежит
Ни летним зноем,
Ни зимою.

* * *

Не легко
Рожденному в Сибири
Нежным быть в метельном мятеже
И слова тяжелые, как гири,
День за днем вынашивать в душе.
Слово — это тяжесть,
Слово — это
До поры неустрашимый гнет.
Иль оно пригнет к земле поэта,
Иль поэт
Им недруга убьет.

* * *

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
— Я за искусство левое, а ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

МУЗА

В деревне
Пустовали гумна.
Лицом смугла и темно-руса,
По зреющим полям бездумно
Бродила марьевская Муза.

Был зной.
Трава от зноя вяла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми,
И останавливалась часто,
И снова шла...
В разгаре лета
Среди таких, как я, вихрастых
Искала своего поэта.

Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула, еще незрима,
И наклонилась надо мною.
С тоскою глядя, ворожила...
Меня в мое десятилетье

На чуткость испытать решила —
И, чуткий,
Я ее приметил.

Стояла
Скорбная такая!..
Вперед как будто поглядела
И, на тревоги обрекая,
Уже заранее жалела.

Миг —
Что зерно.
Вся жизнь в том миге.
В глазах печального свеченья
Легко, как по раскрытой книге,
Прочел я тайну обреченья.
«Мир повстречает новостями,
Но ты полюбишь эти земли,
Душою,
Телом
И костями
Почувствуешь ржаные стебли.
По жизни всей — до поседенья
Ты пронесешь в душе пытливой
Мучительное изумленье
Судьбой крестьянки
Терпеливой».

И вот
Глаза уже иные:
«Дитя земли и революций,
В тебя все радости земные
Одною радостью вольются.
Дитя голодного сусека,

От всех невзгод
Возьмешь ты долю,
Дитя мечты,
Все боли века
Войдут в тебя одною болью.
На все обиды и утраты
Гляди, преодолев страданья,
Как на торжественную плату
За свет
Душевного познанья.

Ты больше всех
Меня полюбишь.
Всю жизнь свою
В любой прохожей
Искать похожую ты будешь,
Но так и не найдешь похожей.
За тяжесть, что тебя не в меру
К земле пригнет
И горем тронет,
Я дам тебе такую веру,
Перед которой
Горе дрогнет».

Не знаю,
За какие вины,
Печалью глаз
И губ дрожаньем
Она раскрыла мне глубины
Своих земных переживаний.
Моя крестьянская, босая,
Прощально, помню, улыбнулась,
Перед глазами угасая,

Ушла...

И только рожь качнулась.

Все — было.

С головой седою

Играть ли в рифмы,

Как в игрушки?

Все это было за Удою,

У старой

Дедовой избушки.

* * *

Хочешь ведать,
Как писалось?

На душе
За жизнь мою
Всё скипелось,
Все слежалось.
Отколю —
И выдаю.

* * *

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени —
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
И всего,
Что все несовершенство мира
Лежит на совести его.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Я сам себя судил,
И суд был очень строгим,
Перед тобой, народ,
Я провинился многим.

А начались грехи
Для молодых обычным:
Свой дар писать стихи
Считал я даром личным.

Второй мой тяжкий грех,
Прощавшийся другими:
Я думал, неуспех
Хулит мое лишь имя.

А недругов своих
Нападки злые встретив,
Я отступал от них —
И в этом грех мой третий.

Судьбу свою связав
С народной судьбою,
Я не имею прав
Пренебрегать собою.

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:

— Что хочу — облюбую,
А что не хочу — недостойно погони. —
Казалось, не глину он мнет голубую,
А душу живую берет он в ладони.

Ваятель,

Влюбленный в свой труд до предела,
Подобен слепому:
Он пальцами ищет
Для светлой души совершенное тело,
Чтоб дать ей навеки живое жилище.

Не сразу,

Не сразу почувствовать смог он,
Не сразу увидеть пришедшие властно:
И девичий профиль,
И девичий локон,
Капризную грудь,
Задышавшую часто...

Но тщетно!

И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот

За то, что в душе ее — глина и глина...
За то, что в лице ее — холод и холод...

Нам жизнь благодарна
Не слазой охранной,
А мукой исканий, открывшем секрета...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нем девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, полоненная, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно!
И мрамор сковал мое тело».

— Не будешь,
Не будешь,
Не будешь томиться,
Ты видишь, как рад твоему я приходу! —
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярим...
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободренная первым успехом,
С таким нетерпеньем,
Что мрамор, казалось,
Спадал с ее плеч горностаевым мехом...

С тех пор,
Равнодушная к пестрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,
Глядит она тихим
Задумчивым взглядом
На мимо идущих веселых подружек.
На жизнь трудовую,
Чтоб здесь не стоять ей,
Она променяла бы долю такую.
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

* * *

Отдам народу
Сердце, руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа...
Слуги
Всегда с хозяином хитрят.

НЕДРУГАМ

Все вами сделано, чтоб я
Успел на этот мир обидеться,
Чтоб, не любя, сгубил себя
И не успел с любимой свидеться.

Чтоб силой попусту итссяк,
Чтоб давний радовался враг,
С которым
Доброй силой мерялся,
Чтоб я и в дружбе
И в друзьях,
Себе на горе,
Разуверился.

Чтоб я
Душою спик и свял
В игре словами пустозвонными,
Чтоб я в час битвы не стоял
Под справедливыми
Знаменами.

Смешные!
Можно ли, чтоб я
Ушел от самого себя?!

* * *

Мой знакомый,
Захмелевши, тужит:
Говорит, что человек
Стал хуже.

Говорит,
Что против жизни прежней,
Той, еще не брошенной в разбег,
Человек стал
Несравненно грешней,
Стал порочней
Новый человек.

Морщась,
Заключает он устало:
Страх божьего
В душе не стало.

Страх ему?!
Да пропади он прахом!
Средь людей,
Не знающих оков,
Праведность,
Внушаемая страхом,

Во сто крат
Позорнее грехов.

Так легко
Дойти до разделенья:
Бог — одним,
Другим — товарищ Ленин.

А ведь помню,
До большой удачи
В службе,
В дружбе
И других делах,
До машины,
До богатой дачи
Был ему не нужен
Божий страх.

Видно, хочет он,
Чтоб божьи страхи
Выполняли роль
Цепной собаки.

ГУСИ

В те дни,
Когда горят леса
Огнем нежарким увяданья,
Когда разбудит небеса
Гусей залетных гоготанье,
Когда гортанный дикий звук
Внизу гусынь встревожит важных, —
Тогда
Стада
Гусей домашних,
Волнуясь,
Сходятся на луг.

Здесь на лугу,
Как в смутном веке,
Они шумят,
Они галдят
И машут крыльями в разбеге,
Как будто тоже полетят.

Но сытым небо не дается...
И, пошумев какой-то срок,
Идут домой.
И раздаётся
Гусынь довольный гоготок.

То млею,
Теплом разогретый,
То стыну от холода весь.
Почти как у нашей планеты.
У сердца
Два полюса есть.

Но время идет.
Не согреться.
Уже — велики, велики! —
С холодного полюса сердца
Сползают на юг
Ледники.

Поверженный,
Льдами прижатый,
В снегу,
Что летит и летит,
Поэзии мамонт косматый
Последнюю песню
Трубит.

СЛЕПОЙ

Людей не видя пред собой,
Не замечая в сквере лавочки,
По улице идет слепой,
Потрагивая землю палочкой.

Его толкнут,
Пройдут вперед,
И тотчас, торопясь вмешаться,
Какой-то зрячий призовет
Быть чуткими
И не толкаться.

Но слышу голос я его,
Негромкий в человеческом гуде:
— Толкайтесь... Это ничего...
Я буду знать,
Что рядом — люди.

* * *

Все вижу...
Твой немой укор...
Ты смотришь,
Будто ждешь ответа:
Где живость,
Где горящий взор,
Где озарение поэта?

Глаза тусклы,
Почти что злы,
Как у пропойцы до загула.
О, ужас! На плебейских скулах
Застыли желваков узлы.

Ты думала:
Неотразимый.
Ни в чем не знавшая потерь,
Ты думала, что я красивый.
Не отворачивайся.
Верь.

Красивы мы.
Светлей, чем зимы,
Иконописнее, чем Спас.

В том и беда,
Что мы красивы,
Когда никто
Не видит нас.

И кровь кипит,
Душа парит.
В ней, чуткой,
Все находит отклик.
Как у идущего на подвиг
Лицо отвагою горит.

Но вот погасло вдохновенье,
И, к людям открывая дверь,
Мы вновь темны,
Мы снова тени
Самих себя..
Как я теперь.

ОСТАВЬТЕ МНЕ ТАЙНУ

Какое же диво
В твоих, Руставели, словах:
Века отшумели, а слово
Все в тех же правах.

Века отзвучали, а слову
И жить и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты,
Не знаю.
А надо ли знать?

Над миром тревожным
Ты крылья любви
Распластал.
Ты Индию левым,
Аравию правым достал.

У нас и поныне
Сердца и горят и болят,
У нас и поныне
Над сердцем
Царицы царят.

У нас и поныне
Усладу другие берут,
У нас и поныне
Кровавые слезы текут.

Прости мне, Шота,
Что, влюбленный,
В порыве страстей
Любимую славил
Превыше царицы твоей.

Прости мне, Шота,
Что забылся
В своей похвальбе,
А помнил лишь право
Любовью быть равным тебе.

Не знаю,
Кем был ты,
Как жил,
Но, читая твой стих,
Тебя создаю я
По страсти героев твоих.

Как бог триединый,
Во всех ты героях един:
В любви Автандила
И в нежных очах Тинатин.

Ты в каждой слезинке,
В кровинке
Отверстых их ран,
В тоске Тариэла
И в муках Нестан-Дереджан.

А что мне с того,
Что в чужом
Палестинском краю
Однажды найдут
Долговую расписку твою?

Унижен ли был ты,
Оболган ли был ты за труд?
Да мало ли лгали...
И многих еще оболгут!

Ах, что мне догадки!
В твой век, Руставели,
И в наш
Доподлинна песня,
А все остальное —
Мираж!

Во имя той песни,
Что пели мы все
И не спели,
Оставьте мне тайну
Великой судьбы
Руставели!

НА БЕРЕГУ

Бегут круги,
Кружки,
Кружинки...
Мальчонки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно,
Как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдце,
Наполнилась живой водой.

Открылись розовые стоки.
Как будто,
Лилию клоня,
Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Все поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Все видится
В ином значенье.
Вон легкий ветерок повлек
По серебристому теченью
Кружащий селезнем валец.

А женщина,
Снимая с плахи,
Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И, может быть,
Моих открытий
Глухому сердцу не понять.
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе
Ни боли,
Ни страданья,
В душе зажегся робкий свет.
Как долго шел я на свиданье,
Отложенное на пять лет.

Но сердце многого не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча,
Само напоминает
Забытый звук ее шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходит в памяти.
Прогнать?!
Нет, все, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В осенний лес,
Как в сон и неизвестность,
Тропинка порыжевшая пряма.
На всем, куда ни гляну,
Вижу трезвость
И строгую задумчивость ума.
Так женщина с прекрасными чертами,
К покинувшему чувства сохранив,
Сидит весь день с открытыми глазами,
В колени рукоделье уронив.
Порой в душе надежда шевельнется,
Что он,
Как только птицы прилетят,
Припомнит дорогое и вернется...
Глаза, не веря,
Холодно глядят.

Лесная речка меж стволов блеснула,
Я вижу игры волн, давно ручных,
И берега крутые, словно скулы
Сибиряка,
На выгибах речных.

В лесу светло.
Березкам-белоножкам

Укрыться бы за хвойной темнотой.
Подружки озадачены немножко
И смущены своею наготой.
Как девушкам,
Им не во что обратиться,
Как модницам,
Обидно им до слез:
Они вчера разделлись искупаться,
А ветер взял и платья их унес.
Озябшие,
Они дрожат и гнутся,
Упрятав ноги в коврики из мхов,
Стыдливые,
Они друг к другу жмутся
В кругу рябых
Чубатых женихов.

Иду вперед,
Волнуюсь и тревожась
За все, что ни увижу пред собой.
Есть в судьбах леса маленькая схожесть
С большою
Человеческой судьбой.

* * *

Я атеист и поэт,
Я жалею, что бога нет.

Был бы мудрый,
Жил бы всевышний,
Меньше бы бед
Случилось со мной.
Этот всевышний
Был бы не лишний
Даже при наличии
Власти земной.

Я спросил бы:
«Великий боже,
Как стишки,
Скажи от души?»
И ответил бы боже,
Похлопав в ладоши,
И сказал бы боже:
«Пиши... Хороши!..»

Но, увы!
Уже сколько лет
Есть Щипачев,
А господа нет.

* * *

Слова — дрова.
Нас греет речь,
Нас мыслью обжигает пламя.
Душа пытливая, как печь,
Все время топится словами.

И сырость слов,
И сырость дров
Один и тот же грех имеют:
Трещат,
Дымят,
Но мало греют
И душу в непогодь
И кров.

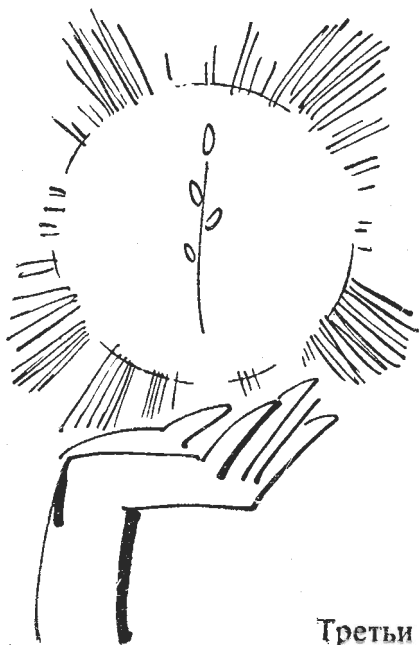
Слова
Бывают
Хороши,
Но дым от них
Такого рода,
Как будто у живой души
Забиты сажей дымоходы.

И потому я,
Как родня,
Двумя приветствую руками
Во имя доброго огня
Союз поэтов
С печниками.

* * *

Дерзайте! —
Нам, поэтам, говорят, —
Как спутники,
Кружитесь по орбите.
Мир познавая,
Физики дробят
Природу костную...
И вы дробите!

Я признаю
С учеными родство,
Но признаю
И разницу от века:
Ученый
Расчленяет естество,
Поэты
Собирают Человека!

Третьи петухи

СОВЕСТЬ

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет.
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,

Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки,
Откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной

Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что еще никого
На земле я
Не сделал
Счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною,
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И ни ту,
Что мне стала
Женою.

Никого!
А ведь сердце
Веселое миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слез,

Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие
Пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно..
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться
Обратно...

Упадет голова —
Не на плаху,
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают,
Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

* * *

О, как быстро
Время мчится!
За плечами за моими
Города меняют лица
И становятся чужими.

Как найти
Места свиданий,
Где мы в юности любили?
Их теперь громады зданий
Под собой
Похоронили.

Как лосось,
Пройдя стремнины,
Вспоминая путь недавний,
У воздвигнутой плотины
Бьюсь я памятью
О камни...

* * *

Счастливым,
Я не нужен никому.
Счастливым быть
Мне стыдно одному.

Счастливый
Тяготеет к облакам,
К высоким звездам,
Где легко и вольно.
Счастливые как боги,
А богам
Ни жалостно,
Ни горестно,
Ни больно.

Печали,
Огорченья,
Страхи все
Я испытать душою
Не премину,
Как добрый врач,
Который на себе
Испытывает
Новую вакцину.

Как он,
В бреду
Над страхом проплыву,
Над жаркой бездной
Черной лихорадки,
Еще угарный,
Потянусь к тетрадке,
Чтоб записать победное:
«Живу!»

А коль живу,
То значит
И другой
Сумеет жить,
Переболев однажды.
Я нужен людям
Именно такой,
Каким сумеет быть
На свете каждый.

* * *

Есть разная
На свете тишина.
Есть тишина,
Когда молчит жена,
Молчат соседи
После бурной ссоры.

Есть тишина,
Когда, исторгнув чад,
Отгрохотав,
Надолго замолчат
В огне и дыме
Рухнувшие горы.

Есть тишина могилы.
Страшно вроде,
Но пострашнее
Тишины могил
Та тишина, когда
Во всей природе
Наступит равновесье
Вечных сил.

Та тишина,
Всевластная,

Большая,
Когда природа,
Как судья, молчит,
Но и своим молчаньем
Вопрошает:
Послушаем,
А что в тебе звучит?

В чужих страстях
Прослыть нетрудно
Страстным,
Прослыть певучим,
Когда я пою.
Ты музыку
Стихий моих
Стогласных
Не принимал ли глухо
За свою?

Страшней всего
К такой большой тиши
Прийти однажды
С тишиной души...

ОТЕЦ

Мой отец
Конокрадом не был,
Как ходила молва тех дней.
Просто слишком уж раболепно
Он всю жизнь
Любил лошадей;
И меняться
И торговаться
С видом хитрого знатока.
Все хотел отец доменяться
До орловского рысака.
Все хотел,
Чтоб копыта били
Гулко, до неба,
Как в мороз.
Доменялся же до кобылы,
Что потом отвели в колхоз.

О знаток
Лошадиных граций,
Он к тому же играл, как бес.
Все хотел отец доиграться
До каких-то больших чудес.
Все он верил,

107

Что за червонцем
Грив колышется ореол,
Что к ногам,
Поиграв на солнце,
Упадет золотой орел.
Все он верил
Той подлой карте,
Что доводит до маеты.
Так однажды
В слепом азарте
Проиграл горюн хомуты.

Не по низкой
Своей культуре,
А по-моему, верняком,
По широкой своей натуре
Был родитель мой игроком.
В играх силою он хвалился,
К супротивнику став лицом,
Но не дрался,
А только бился
И боролся
Честным борцом.
На веселой
На русской пасхе
И на празднике уразы,
Соблюдая устав татарский,
Забирал мой отец призы.

Эх вы, эх,
Золотые гривы,
Гривы синие,
Как туман!..
И ходил мой отец счастливый

И мечтал обхитрить цыган.
Подвела не гулянка-пьянка.
Горе в том, как признал он сам:
У цыгана была цыганка,
Ворожившая по глазам.
Умолила и упросила,
А ведь, помнилось, не хотел...
Все потом казалось красивым,
Все, на что бы
Ни поглядел...

Незнакомое
Так знакомо!
Мне б тихонько делать дела,
Но какая-то хромосома
Страсть отцову передала.
Для отца
И пьянеть при фарте
И призы татарские брать
Было так же,
Как на бильярде
Мне Березина обыграть.

Все иное.
Иные вкусы.
Мне ни пасха,
Ни ураза,
Ни цыганка уже, а Муза
Завораживает глаза.
Не манила и не просила,
Обмануться сам захотел.
Вот и кажется
Все красивым,
Все, на что бы
Ни поглядел...

Все хочу,
Чтобы в строчках были
Только огненные слова.
А по строчкам —
Трусца кобыля,
Будто снова
Везу дрова...
Вновь пишу, будто лезу драться,
Сжавши гневные кулаки.
Все хочу, хочу дописаться
До какой-то
Большой строки.

КОЛУМБ

Упрямый,
Он твердить не устает,
Чтоб жизни мудрость
Не была забыта:
Пока земля
Плодов нам не дает,
Она для человека
Не открыта.

Над ней горит
Бесплодная заря,
Закаты гаснут
В небреженьи грубом.
А в наше время,
Чтобы стать Колумбом,
Уже не надо
Бороздить моря.

Твоя земля
Совсем недалеко,
В завоеваньи
Никакого риска.
И хоть она,
Нетронутая, близко,

Открыть ее, такую,
Нелегко.

И даже ту,
Которую вспахал
И над которою
Весь век хлопчешь,
Ты до конца
Еще не открывал
И, как слепой,
Свое богатство
Топчешь.

Ты борздишь
Земли усталый лик,
Не смея,
Не умея
Тронуть недра.
Войди в нее
На глубину
В полметра,
И ты откроешь
Новый материк.

В земле проснется
Жажда материнства,
Как в тот далекий
И туманный век,
Когда к ней
Прикоснулся человек
И ощутил с ней
Вечное единство.

ГИМН КОРОВЕ

Был вспоен волчицей
И Рем
И Ромул,
Мне ж, голодавшему
Много и тяжко,
В пользу пошло
Молоко коровы,
Доброй коровы
По имени Клашка.

Крупная,
Пестрая,
Грустноглазая,
Идет, бывало,
По лугу к берегу...
На левом боку
Темнеет Азия,
На правом боку
Пестрит Америка.

А как старалась,
А как понимала —
Все понимала.
Глухими ночами

Клашка раздумывала
И вздыхала
И чаще и громче,
Чем наша мама.

Она не паслась,
А всегда трудилась,
Она в родной
Луговой обширности
Траву выбирала.
Для нас
Стремилась
Дать молоко
Повышенной жирности.

Бывало, исчезнет.
Время тянется
В поисках Клашки...
И глядь,
Вперевалочку
Клашка откуда-то
С дочкой явится,
С этакой робкой
Пестрой
Дрожалочкой.

Что за чудо
И что за оказия!
Как у мамыши,
По шерстке беленькой
На левом бочку
Темнеет Азия,
На правом бочку
Пестрит Америка.

Можете спорить
И спорить,
Прав ли я?
Но за Клашкой моей
Все полезное:
Тут и масло,
Тут и география,
Тут и ряженка,
Тут и поэзия.

Что же,
И Рем и Ромул
Праведники,
Мол, Рима твердыни
Ими созданы!
Что же,
Волчице
Ставят памятники,
А Клашке моей
Еще не воздано!

Аз воздам!

БЛИНЫ

Речь о газе ведешь,
О какой-то утечке,
О каком-то баллоне
При нашем дворе,
А на памяти
Добрая русская печка
И лицо моей мамы
В домашней заре.

Пошурует клюкой,
Чтобы угли не гасли,
А потом накаленную,
С гладеньким дном
Мать гусиным пером
Сковородку намастит
И зальет ее тонким
Шипящим блином.

Ну, а мы —
Мы за печкой
Не просим,
Не клянчим,
Только молимся нашим
Ребячьим богам,

Чтобы маму постигла
С блином неудача,
Потому что тот блин
Шел не гостю,
А нам.

Дорогая, наш дом
Стал приветливым домом,
И, когда ты колдуешь
На хитром огне,
Не откладывай блин,
Что получится комом,
А как память о детстве
Отдай его мне.

* * *

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству,
Не мучайте ее,
А помогайте ей!

ПРОРОЧЕСТВО

Я жить
И мыслить устаю.
Я, сделав шаг
От легкой грусти
В мир ужасающих предчувствий,
Над черной бездною стою.

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклятый.
О человечество,
Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

Меня охватывает страх.
Небрежно к собственному дому,
Ты к счастью
Не пришло земному,
Что ж ищешь ты
В других мирах?

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно.

Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

Меня еще тряхнет не раз.
Ты жадное,
Алкая пищи,
Глядишь на мир,
Как жирный нищий,
Украдкой
Евший про запас.

Земли
Не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Тыпустишь по миру
С котомкой,
Ей будет
Нечего подать.

Прости
Настойчивость мою.
Уже в плену
Тех дальних сроков,
Твой самый добрый
Из пророков,
Я жить
И мыслить устаю.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Сергею Воронину

Из ночи,
Из тьмы,
Как из берлоги,
Лезет нечисть
Отжитых веков.
Я боюсь устать,
Упасть в дороге,
Не дождавшись
Третьих петухов.

Но цветет,
Цветет,
Цветет вдали
Розовый цветок
Большого роста.
Вся Земля в изъянах,
У Земли
Шелушится
Старая короста.

Путь ее
Не легок
И не прост.
В распрях доброго

И злого духа
Так и жметя
К частоколу звезд
Со своею
Древней почесухой.

А душа?
Не для тебя ль,
Ранимой,
Розовый цветок
Вдали цветет?
Жизнь прекрасна
И неумолима,
Жизнь через меня
Перешагнет.

Все перешагнет,
Не медля в шаге:
Мерзость,
Подлость,
Смуты,
Мятежи,
Наше горе, слезы,
Наши страхи,
Наши боли
Сердца и души.

У нее
Свои на счастье виды.
Через кровь пройдет
До лучших дней...
Пусть! Но как же
Все мои обиды
Примиришь мне
С гордостью моей?

Как же
Перед нечистью
Не сдаться,
Не чертя
Спасительных кругов.
Как же мне,
Не уступив,
Дождаться
Предрассветных
Третьих петухов?

СЕНЕГАЛЬЦЫ

Во имя всех живых —
А все мы тленны —
Не будьте ни корыстны,
Ни мелки...

Была война,
И в битве многодневной
Погибли сенегальские полки.

Под крик ворон
И воронов круженье,
Где штабелем,
Где кое-как — броском,
Их уложили
В длинные траншеи
И прикопали
Глиной и песком.

Когда и кости
В их могилах тесных
Успело время
Сжечь и перегрызть,
На горе людям
У крестьян окрестных
В душе практичной
Вызрела корысть.

И вот однажды
Эти погребенья
Невесть за что
Сражавшихся солдат
Крестьяне подняли
На удобренье,
Чтоб хлеб тучнел
И зеленел шпинат,

Земля была жирна
И липла к пальцам,
К подошвам ног...
Был урожай всему.
Но ветер с прахом
Бедных сенегальцев
Разнес по миру
Пагубу-беду...

О, месть бацилл!
Кровь африканцев страстных
В себе самой
Еще смиряла их.
Что сенегальцам
Было не опасно,
Теперь смертельно стало
Для других.

Костры горели,
Стлался дым мертвячий,
Мать расставалась с сыном,
Муж с женой.
Другая смерть
Встречалась громким плачем,
А эта —

Суеверной тишиной.
Во имя всех живых —
В избытке ль силы,
В избытке ль гнева,
В простоте ль святой, —
Не ворошите старые могилы,
Они чреваты
Новою бедой.

* * *

Мир дремучий,
Мир такой горячий,
И огонь то низок,
То высок,
Что не отличить,
Где дым,
Где туча,
Где зола,
А где речной песок.

В эту
Мировую непогоду
Мне бы
Отряхнуться
Добела —
Так, как лебедь
Пасмурную воду
Стряхивает
С белого крыла.

Молодость
На горести поката.
Грудь расправил —
И душа чиста.

Юного,
Меня легко когда-то
Поднимала в небо
Красота.

Нынче
Не до легкого подъема,
Крылья песен
Что-то тяжелы.
Слишком много
В наших водоемах
Накопилось
Всяческой смолы.

И лечу
Уже не я,
А годы...
Мне бы
Отряхнуться добела —
Так, как лебедь
Пасмурную воду
Страхивает
С белого крыла.

* * *

Мне говорят: пиши!..
Твердят: пиши!..
Писать бы рад,
Но, забывая дело,
Сижу пустой,
Как будто из души
В потемках
Что-то вынуто,
Что цело.

Быть может,
Вовсе не желая зла,
Моей любви
Доверчивую пташку
Себе на память
Женщина взяла,
Когда я спал
С душою нараспашку.

А если женщина
Здесь ни при чем?
А если..
Если
В небесах плутовавшим

Душа убита атомным лучом,
Совсем случайно
На нее упавшим?

Не в том загадка;
Петь или не петь, —
А жить или не жить!..
Разгадка, где ты?
Ведь есть
Четыре стороны у света,
На все четыре
Надо поглядеть.

Все оглядеть:
И Запад и Восток,
Но отыскать
Первопричину боли,
Чтобы в душе,
Как на бесплодном поле,
Высокой мысли
Выходить росток.

ДВА ЛИЦА

Случится же!
Как будто смелый,
Ведь как-никак
Зовусь певцом,
Стою, бывало, оробелый
Перед ответственным
Лицом.

Перед Лицом,
Не очень высшим,
Но все же,
Надо понимать,
Перед Лицом,
Уже привыкшим
Хоть чем-то,
Но повелевать.

Перед Лицом,
Чей взгляд упорный
Внушает
С чувством правоты,
Что он единственный,
Который
С высокой правдою
На «ты».

И вот —
О странность,
О подробности! —
Однажды пронял
Смех меня.
И страх,
И скованность,
И робость
Перед Лицом
Утратил я.

Он был еще
В суровой справе,
А мне забавно...
В чем секрет?
Да в том, что я
Его представил,
Каким он был
В двенадцать лет.

Представил я
Совсем иного,
Когда он был
В кругу ребят
И простодушен
До смешного,
И лопаух,
И конопат.

Над ним
Хихикали девчата...
Ну, словом,
Рос он на селе
Без государственной

Печати

На государственном
Челе.

Теперь
Мой опыт
Что-то стоит!
И вот я с опытом моим
Придумал самое простое,
Чтоб не робели
Перед ним.

Я предложил,
Чтоб над чинушей
Повесили его портрет,
Где лопухами
Вянут уши —
Каким он был
В двенадцать лет.

* * *

За что я мучусь,
Непонятно,
С печатью Каина на лбу?
Какие солнечные пятна
Влияют на мою судьбу?

В каких высотах,
Сферах света,
В каком космическом краю
Прошла безвестная планета
И затенила жизнь мою?

А было просто,
Было ясно,
Теперь же слышу
В строе строф
Какой-то отзвук
Своевластный
Каких-то звездных
Катастроф.

В душе
И смута и смятенье.
Вот так в тоске

Из-под стрехи
При каждом
Солнечном затмении
Кричат тревожно
Петухи.

Задолго
До премудрой силы,
Летающей от земных границ,
Моя душа уже ловила
Поток космических
Частиц.

Поток, рожденный
В мире дальнем,
Он пробивал
Извечный мрак,
А мы с душой моей
Не знаем:
Что ж больно так?
Что ж горько так?

Не знаем мы,
Куда нам деться
От непонятной
Муки сей...
Какая власть
Миров над сердцем,
А власть Земли
Еще сильней!

* * *

Я уеду.
Я непременно уеду.

Мне стыдно
Оставаться тут.
Устрою перевод
По службе,
Любовь свою
Отдам в приют,
Не доверяя
Ложной дружбе.

Здесь не живут,
Здесь лишь гостят,
Здесь слабые
Обиды прячут,
Здесь не поймут,
Зато простят,
Не пожалеют,
Но поплачут.

Здесь не откажут
Приподнять
Тяжелый камень

Вам на плечи,
Здесь свой
Предложат поменять
В надежде
Выменять полегче.

С такими жить —
Почти что лгать.
Мне было тяжело,
Не скрою.
Я звал:
Придите помогать,
Ведь вы же видите,
Что строю,
Что голову
К земле склонил,
Под ношею
Пригорбясь ниже,
Что пот
Глаза заполонил,
Гляжу — и
Ничего не вижу.

Не вижу —
Стежка иль тропа?
А ведь и нужно
Так немного:
Смахните только
Пот со лба,
Чтоб стала мне
Видна дорога.

Моя беда
Не их беда,

Для них важнее:
Сколько стоит?
Мне стыдно тут.
Хочу туда,
Где не торгуются,
А строят.

Я уеду.
Я непременно уеду.

Из книги любви

* * *

Любовь мне —
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне —
Как призвание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьет.
Любовь мне —
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь —
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть, единственный.
Умеющий любить.

* * *

Всё речи да речи...
Молчи, фарисей!..
Никто не поверит,
Имея понятие,
Что дети родятся
От жарких речей,
От жарких речей,
А не жарких объятий.

Душа да душа!..
Замолчи ты, ханжа!
Мы тоже святые,
Но разве же худо,
Что к женам нас манит
Не только душа,
А женского тела
Горячее чудо.

Ты книжный,
Ты скучный,
Должно, не любя,
Тебя зачинали,
Когда заскучалось...
Все люди как люди,
И, кроме тебя,
Ошибок в природе
Еще не случалось.

* * *

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.

Весь смысл ее
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста...

* * *

Если б
Богом я был,
То и знал бы,
Что творил
Женщину!

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

* * *

О женщина,
Краса земная,
Родня по линии прямой
Той, первой,
Изгнанной из рая,
Ты носишь рай
В себе самой.

Я говорю
Библейским стилем
И возглашаю горячо:
Не Петр-ключарь,
А я, Василий,
Заветным
Наделен ключом.

Мы любим
По земным законам,
И соблазняешь ты меня
Не яблочком одним,
Зеленым,
А сразу спелыми
Двумя.

О женщина,
Душа томится,
И жажда мучит
Все сильней.
Пить!..
Пить!..
Мне пить
И не напиться
Бедовой радости твоей.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Не верили,
Отмахивались:
Миф!
Но по дворцам,
По стенам, взятым с бою,
Давно доказано,
Что был правдив
Старик Гомер,
Воспевший гибель Трои.

Над нею, павшей,
Вечность протекла,
Землей укрыла
Рухнувшие стены.
Виновных нет.
И все-таки была
Всему виной
Прекрасная Елена.

Неоспоримы
Слезы, муки, беды,
Неоспорим
И бога Зевса пыл,
Когда торжественно

В купальню Леды
Он, женолюбец,
Лебедем приплыл.

И родилась
Елена всеблагая,
Затмившая
Эгейскую зарю,
Доставшаяся в жены Менелаю,
Суровому спартанскому царю.

Где красота,
Там правота каприза,
А где любовь,
Там бой идет не зря.
Неоспорима молодость Париса,
Отнявшего Елену у царя.

Неоспоримо
Менелая сердце,
Стучавшее тараном у ворот.
Неоспоримо мужество ахейцев,
Поклявшихся
Не постригать бород.

А годы мимо...
Годы мимо, мимо...
В крушении
Приамовых дворцов
Неоспоримо все,
Но оспорима
Житейская
Забывчивость бойцов.

Пал Менелай
В печали и тоске.
Изъела корабли
Морская пена.
Состарилась
Прекрасная Елена.
Скорбела Пенелопа
Вдалеке.

За девять лет,
Приученные драться,
Копьем и дротиком
Вести бои,
Уже ахейцы
Стали оступаться
О клятвенные бороды свои.

В крови,
В скорбях,
В осадной суете
Они, вослед
Приплывшие под Трою
За юною,
За дивной красотой,
Успели позабыть о красоте.

И мы в бою,
И мы твердыни рушим,
Но, увлекаясь
Праведной борьбой,
Лишь одного жочу,
Чтоб наши души
Не отрасли
Ахейской бородой.

* * *

Влюбленных шумно
Легок воз,
Зато любовь влюбленных тихо —
Как горе горькое без слез,
Как боль, болящая без крика.

Таюсь.
Молчу.
Боюсь наскучить.
Иным признанье — трын-трава,
Меня же долго будут мучить
В груди застрявшие слова.

Иной споет
И отпоется,
А у меня гудит душа,
И сердце тяжелее бьется,
Готовое для мятежа.

О НЕЙ

Не вынес я тоски недель...
По улице, опять преградой,
Метет, метет, метет метель,
А мне тебя увидеть надо...

В сугробы снега и лога,
Косматой буре на рога
Бегу — навстречу вихрей стадо...
Заполонило белый путь,
Ударило... Что будет — будь.
Но мне тебя увидеть надо.

Вот клуба снежное крыльцо...
Увидеть, одолев преграды,
Глаза твои, твое лицо
Во что бы то ни стало надо.

А на висках две жилки бьются,
Две жилки бьются...
Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено — переступить!

*

О музыка!
Слепой подкоп
К душе взволнованной...
Не надо
Идти куда-то далеко,
Чтоб оказаться с милой рядом.
Высок балкон...
Вот свет потух,
Не затемняя лишь оркестра.
Мой взгляд,
Упавший в темноту,
Разбился о пустое место.

*

Все ждут чего-то,
Все молчат,
Тая подобие улыбки.
Вот на колени скрипачам
Уселись маленькие скрипки,
Совсем как дети.
Зал притих.
Напев смычка ударом начат.
Кричу:
— Зачем вы бьете их?!
Не бейте их, они заплачут!..

Я нехотя закрыл глаза,
Когда, откинувшись крылато,
Маэстро резко приказал
Наказывать невиноватых.

Но вдруг
Из глубины наверх,
Его велению послушен,
Летит необъяснимый смех,
Летит с эстрады
Прямо в душу.

То листьев шум,
То резкий треск,
В надломе веток — брызги соков,
То лебедей ленивый плеск
В зеленых зарослях осоки,
То ног босых звучат шаги
Над мягкой прибрежной глиной,
То зыбкие круги, круги
Под резкий всполох лебединый...
Воображенью нет границ.
Ведь это я лесной тропой,
Прилетных испугивая птиц,
Пришел, как в сказке,
За тобою.

Как будто
В приступ доброты
Волшебной палочкой взмахнули,
Чтоб все вернуть.
Но где же ты?
Тебя-то мне и не вернули!

*

Как пламя яркого огня,
Не потухающего вечно,

Ты мне нужна не для меня,
Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
Напев о красоте твоей
Запал в ребяческую душу.

Тогда к деревьям у пруда
Я обращался с горькой речью:
«О, неужели никогда
Я на земле ее не встречу?!»

Тогда с тревогою к воде
Я подходил как можно ближе.
«О, неужели же нигде
Ее лицо я не увижу?!»

Я в поисках провел года,
Переходя через утраты.
О, неужели никогда
И не поймешь ты,
Как нужна ты!

Нужна, как воздух для огня,
Чтоб не погас он скоротечно,
Нужна не просто для меня —
Ты истине нужна сердечной.

*

Зал без тебя
И пуст и незнаком.

Как будто зная о моей обиде,
Ты прошумела легким ветерком,
Чтоб я тебя,
Желанную,
Увидел.
Где ты была?
Откуда ты взялась?
А сам стою, не смея оглянуться.
Ты от моей души оторвалась,
Чтоб все пройти
И вновь ко мне вернуться.

*

И сразу чем-то полевым,
Забытым на сердце пахнуло.
С плеча ее, как легкий дым,
Сползала шаль на спинку стула.
Поношенная бахрома
Напоминала злые зимы.
Любовь, как музыка сама,
Словами мало вырази́ма.

Большие
Звездные глаза,
Гася ресницами мерцанье,
Уже осматривали зал,
Наполненный рукоплесканьем.
Вот локон темный отвела
С лица
В бледнеющем отливе,
Откинулась и поплыла
То медленней,
То торопливей...

Она проходит.
Я стою
И чувствую, что стало душно.
Взглянула в сторону мою
И отвернулась равнодушно.
Но, даже залитый стыдом,
Я все чего-то жду упрямо.
Взглянула только...
А потом
Прошла —
И кончена программа.

*

Любовь к тебе,
Стыдясь, не спрячу.
Что ж, если сможешь — отбери!
Своей поэзии незрячей
Я брал тебя в поводыри.
Но незаслуженной обиде
Теперь надолго в сердце тлеть.
Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.
Но долог путь,
Тоска сильнее, —
Кто знает, может, до седин...
Мне будет без тебя труднее,
Пойми!..
Ведь я пойду один.

Иду с надеждою на встречу...
В мое лицо,
В глаза,

Как в цель,
Стеля белю картечу,
Метет,
Метет,
Метет метель...

БЕРЕЗОВЫЙ РАЙ

С каждым годом
Сны мои капризней.
Снилось мне,
Что для твоих услад,
Для твоей любви
Ценою жизни
Небывалый
Вырастил я сад.

В том
Моем саду,
Как ты хотела,
Как хотел и я,
Берясь за труд,
Понимаешь,
На березах белых
Золотые
Яблоки растут.

Сколько чистоты
И сколько света
Пролился
На голову мою!
Ничего не знал...

Но знал, что это
Был мой рай.
И ты — в моем раю.

Загрустила,
Будто и некстати,
Весь в плодах
Небесного литья,
Сад березный
Вырос на закате
Нашего с тобою
Житня.

И тогда —
В дымках,
В крапах росных —
Я сорвал,
Чтоб не грустила ты,
Со своих березок
Плодоносных
Тяжкие
И жесткие плоды.

Первым надкусил,
Напропалую —
И живой огонь
Коснулся рта...
И по телу,
Как от поцелуя,
Потекла
Густая теплота.

Охватило
Сладкое отчаянье,

Боль восторга.
По глазам твоим,
Широко открытым,
Как прощанье,
Увидал себя я
Молодым.

Сон ушел.
Я стал мудрей и старше.
В лес хожу
Под белое древье.
Где-то в листьях,
Только что опавших,
Затерялось
Яблочко твое.

* * *

Куда я — такой?
Кому я — такой,
От горькой любви
Потерявший покой?

И взгляд мой безумен,
И вид мой ужасен.
Спокойным и тихим
Я просто опасен.
Опасен я тем,
Что мечтой увлекаю,
Что страстью своей
На любовь обрекаю,
Что делом и словом
Творю поневоле
В любви не согласных
На малую долю.

Куда я — такой?
Кому я — такой?

В ЛЕНИНГРАДЕ

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.
В этом городе.
Я сиротлив.

В этом городе
Стал я несчастней.
Без тебя,
Молодой,
Золотой.
Одинокому сердцу опасней
Повстречаться
С такой красотой.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Стал я наивней.
Безысходную страсть затаив,
Принимаю весенние ливни
За тяжелые косы твои.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

Ты отходишь,
Не видя,
Не глядя.
Вскинув руки,
К тебе я бегу.
Ты отходишь,
И кос твоих пряди
Я ловлю
И поймать не могу.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

И мечусь я,
Не видя укрытий,
Слыша цокот копыт за спиной...

Успокойся, заботливый критик:
Медный Всадник
Не скачет за мной.

* * *

Измаянная тишиной,
Мысль за тобою гонится,
За радость ночи
Той,
Одной,
Плачу
Сплошной бессонницей.

За страсть,
Сжигавшую дотла,
Я б согласился с карою,
Что узаконена была
Царицею Тамарою.

Счастливец
Много ли терял,
Когда от стона светлого
С ее груди
Летел в Дарьял,
Уже ко стону
Смертному.

И знал он,
Брошенный на дно,

Что после расставания
Его убили б все равно
Потом
Воспоминания.

Не длил бы я
Постылых дней,
Когда бы не иллюзия,
Что ты нежней,
Что ты умней,
Добрей царицы Грузии.

Косы ее темной, как смоль,
Вспомнил ту,
Что своей красоте изменила.

Мне обидно до слез, что ее улестил
Тот, кто нашей мечты и на шаг
не приблизит.

А вот эта,
Которой я все бы простил,
Не обидит других и себя не унижит.
А вот эта, дающая крылья мечте,
В кулундинскую глушь не могла
не явиться,

Чтобы мы,
Пробиваясь к большой красоте,
На суровом пути не могли заблудиться.

Нас не случай в холодные степи занес,
Мы давно человеческой радостью бредим.
Мы выходим за дверь.
Пусть крепчает мороз
И бушует пурга на дорогах, —
Доедем!

* * *

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал:
Все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь с трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни пришло бы их, —
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,

Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истощный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мятеже,
Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал — и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты все-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила.
И голос твой
Меня увлек...
Разгоряченного от бега
Ты привела на огонек
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

* * *

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звезд, набегавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвездные кратки:
Там минута — здесь жизнь;
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.

Забежал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже —
Ты ведь не слышишь —
Мой корабль отдохнувший зовет,
Тише ветра, дыхания тише
Он сигналы свои подает.

И хочу я,
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

* * *

Мне о том слагать бы оды,
Что за свой короткий век
Я купался в синих водах
Двадцати сибирских рек.

Были реки и речонки,
И на каждой — чуть прилгу —
По заплаканной девчонке
Оставлял на берегу.

Полюбил я реки края
За раздолье и простор,
Начиная с речки Яя,
Что течет с Кузнецких гор.

Я не знаю, счастья полный,
На Пышме иль на Оби
Набегающие волны
Мне напели о любви.

И сегодня погружен я
В мысли, чувства той поры,
До сих пор заморожен я
Островами Ангары.

Там росла тогда малина,
Вился белый хмель в кустах.
Валентина, Валентина,
Расскажи мне, Валентина,
Что теперь на островах?

* * *

Ветер ходит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

Я шагаю к единственной,
Пробиваясь плечом,
Я сегодня воинственный,
Мне пурга нипочем.

Среди ревностью мучимых,
Средь не знавших средин,
Среди смелых и влюбчивых
Я, такой, не один.

Может, ветер, как веником,
Разметая пути,
Дует в спину соперника,
Помогая идти.

В нетерпенье неистовом,
Все вперед и вперед,
Я беру, словно приступом,
За суметом сумет.

Ветер ходит метелицей,
Ветер воеет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

* * *

Я видел:
Еще до рассвета
Он шел от тебя, точно вор.
Как только увидел я это,
Тебя ненавижу с тех пор.
О, как ненавижу!
Ну, кто ты?!
И так, ненавидя, люблю,
Что вымажу дегтем ворота
И окна тебе разобью.
В подъезде забесятся львицы,
Твою сторожившие честь.
Плевать мне на то,
Что в столице
Смешна деревенская месть.

* * *

Лучше сразу бы сказала злое,
Чем расстраивать обиняком.
Я тебя ловлю на каждом слове
И на каждом вздохе о другом.

Глупые,
Смешные подозренья!
Но когда сомнение не спит,
Каждое твое разуверенье
Только лишний повод для обид.

И когда
Всем сердцем негодую
И от боли чуть ли не кричу,
Все же ты не думай, что ревную...

Просто я тебя, мою родную,
В жалком свете
Видеть не хочу.

* * *

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

* * *

Твердишь ты,
Что расстаться нам пора,
Что ты в своих надеждах обманулась,
Что вся моя любовь к тебе —
Игра.
Не слишком ли игра подзатянулась?

Игра в любовь,
Я знаю, не к добру.
Игра в любовь коротенького срока.
Семь лучших лет потратить на игру,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

Старею я,
Люблю тебя одну.
Седею я до времени, до срока.
Семь лучших лет отдать за седину,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

* * *

Ты говоришь:
Я мщением дышу.
Ты говоришь:
Я мертвых ворошу.
Ты говоришь:
Мне ничего не жалко.

Неправда!
Жалко.
Но моя душа
Неумолима, как землечерпалка
С железным скрипом
Грузного ковша.

Она других
Не знает направлений,
Она пройдет,
В желаниях чиста,
И по следам твоих захоронений,
Где даже не поставлено креста.

Рабочей быть
Дано душе не каждой.
Я благодарен

Даже в час беды,
Что наделен
Неистребимой жаждой
Докапываться
До живой воды.

А ты твердишь:
Я мщением дышу!
А ты коришь:
Я мертвых ворошу!

* * *

В наше счастье
Веры больше нету.
Мне обидно, что в чужом краю
Принял я за чистую монету
Легкую привязанность твою.

И не то мне жаль,
Что, пламенея,
Я тебя и нежил и ласкал.
Жаль мне то,
Что, от тебя пьянея,
Я своей любимой
Не искал.

Поглядеть бы
На любовь-потерю,
Тронуть кудри
Ласковой рукой...
В мире есть такая.
Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений

Сердце бьется
В поисках порук.
В мире было столько потрясений,
Столько было горестей...
А вдруг?..

Может быть,
В надежде тосковала,
Все ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня недоставало,
Чтобы жить
И в жизни устоять?..

Есть такая!
Каторжной работой
Сто каналов
К ней готов прорыть.
Если сердце
Бьется для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

* * *

Как умру,
Мое забудь ты имя.
После ласк в полночной тишине
С лучшими, чем я...
Да, да, с другими
Говорить не надо обо мне.

Жены о мужьях,
Чтоб стыд утишить,
Нежно говорят, других любя,
Мне, когда случалось это слышать,
Больно было так,
Как за себя.

Если спросят,
Что так мало жил я,
Ты в своем ответе не таи
То, что я страдания чужие
Принимал все время
Как свои.

ЛАНДЫШИ

Ларе

Девочка кричала
В толпе шумливой:
— Ландыши! Ландыши! —
Взял букетик, подал любимой.
— На! Дыши!

Залюбовались букетом белесым,
Лучшим из моих подношений.
— Пахнут, — сказала, — и лугом,
и лесом,
И холодком
Наших с тобой отношений.

Я об этом подумал тоже
И, подумав, взгрустнул от души.
А девочка кричала,
Кричала прохожим:
— Ландыши! Ландыши!

* * *

Было все.
Всего нелепей
Заклинал ее: страшись!
Поклянись на белом хлебе,
Поклянись на белом снеге,
Синим небом
Поклянись!

Было все.
Всего нелепей
Клятв ее звучала страсть.
И клялась на белом хлебе,
И клялась на белом снеге,
Синевой небес
Клялась.

Потеряла клятва силу,
Потеряла клятва власть.
Поклялась и изменила,
Изменив,
Опять клялась.

* * *

У моей
У любви,
У страсти
Больше нет
Над тобою власти.

Власть ушла
В расцвете,
В богатстве,
Как уходит власть
В государстве.

Власть ушла,
И люди смеются:
Дескать, свергнут
Без революции.

Ты в каком-то
Чужом режиме,
Как чужая,
Ходишь с чужими.

Не бойшься
Ты взгляда злого,

Не томишься
В любви
От слова.

Мне теперь
И любовь
И дружба
Как премьеру
Простая служба.

* * *

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна,
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерти!

* * *

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна,
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерти!

* * *

Я ушел.
Ни к чему теперь вздохи.
Между нами
Со всей высотой
Стены,
Стили,
Этапы,
Эпохи,
Просто камень
И воздух седой.

Я ушел.
Между нами — века.
Вот как ты далека!

* * *

Пришла
И чуткою
И нежною
Ошеломить
И потрясти.
Пришла ко мне,
Чтоб душу грешную
От самого себя
Спасти.

А у моей души
Есть правило,
И я воздать
Не прочь ему:
Коль ничего в ней
Не оставила,
То и стучаться
Ни к чему.

С изменами,
С любовью,
С чарами
Душа моя, —
Что к ней влечет?! —

Как лавка
С хрупкими товарами,
Закрота
На переучет.

* * *

— Не изменяй! —
Ты говоришь, любя.
— О, не волнуйся.
Я не изменяю.
Но, дорогая...
Как же я узнаю,
Что в мире нет
Прекраснее тебя?

* * *

Не о такой,
Как ты,
Мечтается,
Не о такой грущу, которая
Красивых книжек начитается,
Придет и мучит разговорами.

Еще заставит,
Межеумица,
И подражательностью маяться:
Мол, тот герой не так целуется,
Не так в романе обнимается.

И лишь одно мне утешительно,
Что, споря с книжными страницами,
В любви
Я отвергал решительно
Литературные традиции.

* * *

Угар любви
Мне мил и близок,
Но как смешон
Тот сердцеед,
Что составляет
Длинный список
Своих «любвей»,
Своих побед.

Марина,
Нина,
Саша,
Маша.
Меж тем
При встречах,
Как у птиц,
Была с ним
Все одна и та же,
Размноженная
На сто лиц.

Мне радость
Выпала иная,
Мне жребий

Выдался иной:
Меняясь,
Но не изменяя,
Сто женщин
Видел я в одной.

* * *

Да, да, скажу:
Любовь не малость.
В дни битв,
В дни горя и тревог
Мне счастье, говорю,
Давалось,
Но быть счастливым
Я не мог.

Нас развела
Ее несмелость.
Когда весь мир
Стонал в огне
И содрогался,
Так хотелось,
Чтоб кто-то
Думал обо мне.

О равнодушие!
Пусть измает,
Но если тело
К телу вплоть,
То плоть твоя
Сама признает
Мою тоскующую
Плоть.

Молил:
«Останься!»
Сердце стыло,
В крови гудел
Девятый вал.
Я заклинал
Рождением сына,
Землей и Небом
Заклинал.

Пусть будут
Муки и лишения,
Пусть судят
Лживые уста.
Бог тоже шел
На погрешенье
В рожденьи
Своего Христа.

Роди мне сына!
Сны пророчат
Величие земле моей.
Мой сын на Небо
Не захочет,
Он вечно
Будет верен ей.

Он будет верен
Вере павших,
Своею смертью
Смерть поправших,
Он будет верен
Славе их
И верен
Чаяньям живых.

Просил,
Но умирало слово,
Исторгнутое из груди.
Вымаливал:
«Роди такого.
Ты можешь.
Ты должна.
Роди!»

Смысл
До жестокости суровый
Она в ответ
Вложила свой:
«Я вижу,
Как страдают вдовы,
Мне, милый,
Страшно стать вдовой».

Расстались мы,
И я не очень
Ее, пугливую, виню.
С тех пор
Среди достоинств прочих
В любви
Я мужество ценю.

* * *

Припомню что-то —
И душа не рада.
Для памяти своей
Хотел бы снегопада.

Заснул бы я,
Проснулся бы — и вдруг
Почувствовал бы я,
Что жизнь легка мне,
Что лоно памяти,
Как зимний луг,
Занесено сыпучими снегами.
Не видно ни тропинок,
Ни дорог,
Ни прежних встреч,
Ни прежних расставаний.
Из прошлого припомнить бы не смог
Ни радости,
Ни грусти,
Ни страданий.

И та,
Что принесла немало бед,
Сокрывшаяся где-то в царстве снежном,

Уж не решилась бы оставить след
На том снегу,
Спокойном и безгрешном.

И, благодарный
Сказочному сну,
Я б заскучал,
Я стал бы ждать весну.

Заснул бы я,
Проснулся бы — и вдруг
Увидел бы за днями,
За годами,
Что лоно памяти,
Как вешний луг,
Все зацвело
Веселыми цветами.
Где грусть была,
Там голубой уток,
Где слезы шли,
Там золотые злаки,
Где боль жила,
Там розовый цветок,
А там, где горе, —
Маки!
Маки!
Маки!

И милая,
Наряднее ольхи,
Земного обновленья б не минула.
Все заблужденья,
Все свои грехи,

Как листья прошлогодние,
Стряхнула.

И в ощущение
Новой чистоты,
С надеждою,
Что жизнь пойдет иначе,
Мы побрели бы с нею
Рвать цветы,
Возросшие
На наших неудачах.

* * *

Мне сказали:
Полно, море смоем
Боль обид и пыль земных дорог.
Мне сказали, море успокоит
Ото всех прилипчивых тревог.

Вот и море!
Вот оно волною
Гальками прибрежными шуршит.
Ничего, что пережито мною,
Не смывает,
Только ворошит.

* * *

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике.
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел, как спускалася
С небес
На землю грешную.

Не тихою,
Не слабою,
Но рано песню спевшую,
Увидел просто бабою,
Уже отяжелевшею.

Такая
И встречается,
Такая мне и любитя.

Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

* * *

Дымок свивается в колечки...
Должно быть, начал я стареть,
И потому, присев у печки,
На огонек люблю смотреть.

Горят сосновые поленья,
Дрожит на них огонь, и мне
Далекой юности виденья
Являются на том огне.

Трещат дрова.
При каждом звуке
За огненною белизной
Я вижу, как ломает руки
Любовь, покинутая мной.

Почудится:
Огня извивы
Ей молодое тело жгут.
И станет на душе тоскливо,
Как будто вызван я на суд.

Гляжу,
Уставясь без улыбки

В лицо косматого судьи,
И вижу все свои ошибки,
Все заблуждения свои...

Но вот
И печь отгрозовела,
Кудряшек дымчатых не вьет...
И все, что мучило, — сгорело.
А что не мучило —
Живет.

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Любовь горела,
А не тлела.
И все же, к радости моей,
Не до золы она сгорела,
Но, как береза,
До угляй.

Она,
Ничем не оградима,
Переменяя страсть и гнев,
Вся изошла огнем и дымом
И вся распалась,
Почернев.

Погибла?
Нет.
Вернее прочих
Я знаю цену угольку
И каждый черный уголек
В душе холодной берегу.

В моей душе,
Как в горне грубом,
Небесполезно им лежать.
Лишь только б огонек...

Да губы...
Да губы,
Чтобы подышать.

Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем,
В таком огне
Железо плавят.

ЦЫГАНКА

Я верю цыганке.
Мне счастье она нагадала.
По жесткой ладони
Всю прошлую жизнь рассказала.
Она мне сказала
По линиям четким и ясным:
— Всю жизнь был любим
И всю жизнь был несчастным.

Она мне сказала
С лукавым цыганским азартом:
— Во многих же семьях
Красавицам спутал ты карты.
Скажу имена их,
Да только не надо скупиться.
— Скажи-ка, а впрочем,
Зачем же...
Напрасно трудиться?

Я верю цыганкам.
Они — как поэты-провидцы,
Всю жизнь они смотрят
На разные встречные лица,
Всю жизнь они бродят,

Всю жизнь они новых встречают.
И радость и горе —
Всё, всё они в нас замечают.

И сам я бродяга
И многое, многое знаю.
Сказал я цыганке:
— Давай
Я тебе погадаю!

ЛЮБКА-ЛЮБОЧКА

Утром — Любкой,
Ночью — Любочкой...
Отряхнув с души золу,
С виноватою улыбкой
Проходила по селу.

Шла неспешно,
Будто с ведрами,
Выводя за шагом шаг,
И покачивала бедрами
По привычке,
Просто так.

Обзывали Любку шлюхою.
Злые женщины порой
Начинали слово буквою
Из алфавита второй.
Мужики с недоброй шуточкой
Свой дневной вершили суд.

Шла и знала:
Ночью Любочкой,
Утром Любкой назовут...
Шла отпетая, небрежная,

Под лузгу недобрых ляс,
Всю себя, нахально грешную,
Выставляла
Напоказ.

Отметая ночи ложные,
На меже вблизи села,
На другие непохожая
Ночь у Любочки была.
В играх звездного свечения,
С перепевом петухов
Ночь любви и очищения
Ото всех былых грехов.
Ночь, не сделавшая просева,
Ночь, не вспомнившая зла.
Ничего с души не сбросила,
Все с собою понесла.

Тихо, полная смирения,
Понесла в рассветный дым
Новое сердцебиение
Рядом,
Рядом со своим.

Сын приспел.
Нужны и метрики.
Вот, припав теплом к теплу,
С белым ситцевым конвертиком
Мать ступала по селу.
Мать ступала.
В знак прощения
Приподняли старики
Троеперстно, как крещенне,
Лаковые козырьки.

Мать ступала,
И глумливые
Смокли бабы у дверей,
Даже самые ревнивые
Стали к Любочке добрей.
Эти добрые и дружные
В мальчике
Из доброты
Все простили б,
Даже мужние,
Даже мужние черты...

Шла,
Впервые некоримая,
И несла, забывши все,
На судах неоспоримое
Оправдание свое.

* * *

Семнадцать...
Двадцать...
В годы те,
Что понимал я в красоте?

Румянца ль видя густоту
Иль бровь, приподнятую круто,
Я счастлив был,
Я красоту
С беспечной молодостью путал.

Теперь мне далеко за тридцать,
И потому тоскливей пса
Бездомного
Гляжу я в лица,
Ищу любимые глаза.

Ровесниц вижу увяданье,
Уже не юности расцвет,
А пережитого страданья
Милей мне
Благородный след.

Давно забылись
Дни свиданий.

Но то стыдливей, то бойчей
Свет запоздалых ожиданий
Все светится в глуби очей.

Румянец спал
Пыльцой цветочной,
И бровь не просто приподнять.
Та красота была непрочной,
А эта...
Эту не отнять.

ТРАВНИЦА

Разгоряченная мечтами,
Еще в любви не видя зла,
На луг за первыми цветами
Весною девушка пришла.

А следом — старая травница,
Держась за тонкий посошок;
На все, что с девушкой случится,
Она отыщет корешок.

Одна сорвет цветок кудрявый —
И от находки без ума,
Другая с корнем вырвет травы,
Сухие, как она сама.

Одну поманит цвет особый,
С которым ей и сна не знать,
Другая злак сорвет, способный
Тоску-бессонницу прогнать.

Девчонка «огонек» разлучный
В косу тяжелую вплела.
Старушка и на этот случай
Траву всеильную нашла.

Идут вдвоем, себя не пряча,
На травах оставляя след.
Влюбленная задаст задачу,
А старая найдет ответ.

И так всегда,
Любя, волнуясь,
Не глядя далеко вперед,
Непроницательная юность
В соседстве с мудростью идет.

ЗАГРАНИЧНОЕ

*Знаю,
каждый из нас за женщину платит.*

Вл. Маяковский

Хожу,
Гляжу,
Толпою влекомый,
Ломаю язык:
— Ай эм раша...
Мне заграницы
Ваши знакомы,
Мне знакомы
Столицы ваши...

Огни рекламные,
Напряженный,
Нервный,
Неоновый
Перепляс.
Женщины!
Женщины!
Обнаженные!
Вот это жизнь:
Сплошной Ренессанс!

О, какое
Изящество линий,
О, какая
Волшебная синь!
Рубенс торговку
Делал богиней,
А вы в торговки
Взяли богинь.

У вас
В искусство
Большая вера.
Пиво продать,
Не мельча ценой,
К вам на помощь
Выходит Венера,
Выходит Венера
Из пены пивной.

Здесь же
Рядом,
Нежна,
Румяна,
Покинув ручки
И рощицы,
На черном угле
Лежит Диана,
Лежит, бедняга,
И морщится.

Все расписано,
Как по нотам.
Богини все же
Возносятся.

Богини торгуют
Только оптом,
А смертные
Только в розницу.

Всюду,
Всюду:
В купальнях,
В альковах
Рыночным светом
Расщечены,
В сексокнигах,
В журналах,
В альбомах —
Женщины!
Женщины!
Женщины!

И сам
Кричал я:
«Женщину славьте!»
Вот их сорок,
И все заснятые
В разных позах,
И даже,
Представьте,
Одна на кресте
Распятая.

На том кресте
Из грубого бруса,
Как символ зла
И безвкусицы,
Простерлась

Вроде бы Иисуса
Дебелая
Иисусица.

Господу богу,
Должно быть, жутко,
Богу, должно быть,
Нехорошо
Видеть ее
Подсадною уткой
Для охотников
За барышом.

Вспомню,
Сравню,
И гордость
Накатит:
Страстью,
Обидой,
Тоскою глаз
Каждый из нас
За женщину платит,
Женщиной платит
Каждый из вас!

* * *

Стройным
Хвастая станом,
Высотой груди,
Очень уж иностранно
На меня не гляди.

Мое имя
Василий,
И должна понимать,
Мое имя с Россией
Хорошо рифмовать.

* * *

Как хорошо,
Что за крутыми
За гребнями
Далеких гор
Меня, забытого другими,
Ты вспоминаешь
До сих пор!

О, вспоминай!
В строках послушных
О нежных чувствах
Святословь.
Люби меня!
Средь равнодушных
Мне так нужна
Твоя любовь!

Бывало часто,
С жизнью споря,
Слабел я, горе затаив,
Мне чудились
В минуты горя
Цыганские глаза твои.

И было в них
Так много света,
Огня, как в золотом вине.
Как хорошо,
Что где-то, где-то
Ты вспоминаешь
Обо мне!

КРЫЛЬЯ НА ПОЛДЕНЬ

Глава из поэмы «Седьмое небо»

Припоминая
Гибель друга,
Оспорю мудрость всех наук.
Жизнь мчится по закону круга:
Круг малый входит
В больший круг.
Есть круг на все,
Что станет с нами,
Есть круг на радость и беду.
Недаром Дант в своем «Аду»
Все судьбы
Очертил кругами...

Дорога
 гнется,
 гнется,
 гнется,
Хоть кажется,
Что нет прямой,
Пока однажды не замкнется,
Как у Бориса,
На холме...

Дорога
 гнется,
 гнется,
 гнется...

А говорили:
Мы ль слабы!
Твердили:
Каждый остается
Хозяином своей судьбы!

А что мне
С мысли той мудреной,
Когда, забыв уют квартир,
Идут миллионы на миллионы,
Два мира — мир идет на мир.
Вот и попробуй-ка остаться
В своей судьбе самим собой,
Когда такой всесветный бой
Все занял:
Землю и пространство.

Но
Среди ужасов и болей,
Жесточе становясь и злей,
Быть человеком
Был я волен,
А эта служба тяжелей.
Утратив друга,
Полный силы,
Я б мог вернуться
В край родной,
Но от Борисовой могилы
Мне был начертан
Круг иной...

Мы в тесном
Станционном зале
Попутного состава ждали.
Вдруг вестником
Всех божьих кар
Влетел какой-то комиссар.
Мы встали вроде бы виниться,
Что возвращаемся назад.
Нас подняли его петлицы
И скорбно сумасшедший взгляд.

Глаза глядели
Так неистово,
С таким дымком
У синих глаз,
Как два запала,
Как два выстрела
И в самого себя
И в нас.

Глухой,
Холодный к лепетанью,
Что-де Верховный приказал,
Он только отмахнулся.
— Знаю!
Спросил хрипотно:
— Кто летал?
Не поняли.
Тогда он четче,
Нетерпеливей и острей:
— Я спрашиваю,
Кто здесь летчик? —
Пальнул глазами.
— Ну, быстрее!

Нас было двадцать,
Было двадцать,
Стыдливо опустивших лбы...
И я не мог не отозваться
На голос неба
И судьбы...

* * *

Дорога
 гнется,
 гнется,
 гнется...

Настойчиво и горячо
Мое плечо на сгибах бьется
О комиссарово плечо.

Как плат узорный
Долгой носки,
Что был в нужде незаменим,
Шуршала пестрая двухверстка,
В пути развернутая им.
Всего позорней и постылей
Была нам погранная честь.
— Мы отступаем... Отступили...
Они вот здесь...
А мы вот здесь...

На карте, помню, той военной,
Вдоль маленького городка,
Набухшей, взрезанною венной
Дрожала синяя река.
Косой надрез дошел до леса,

И мне казалось,
Что вот-вот
Кровь хлынет
Из того надреза
И карту старую зальет.

Мы торопились
По шоссейной
И по проселочной —
Туда,
Где на земле, пока ничейной,
Остался брошенный «ПЕ-2».
Тот самый, днями и ночами
В далекой стороне лесной,
Уже совсем перед войной
Любовно выхоженный нами.
Тот самый, что был встречен хором
И громыханьем цехов,
Тот, самый трудный,
Над которым
Вымучивался Петляков.

С души поднялся
Голос трубный:
— Стой, комиссар!
Поверь, не лгу,
Я лишь пилот
Аэроклубный,
Взлететь на этом
Не смогу!..

— Довольно! —
И на мне опять
Два синих дыма

В жерлах взгляда,
Два выстрела.
— Взлетать не надо.
Его приказано взорвать.
Ты знаешь, что взрывать:

ты строил,
Ты, черт возьми, летал!.. Да, да!..
Не только вывести из строя,
А так,
Чтоб не было следа!..

— Запоминай! —
Он карту отдал,
Заговорил про динамит,
Про то, как весело горит
К нему причастный
Шнур бикфордов.

Полями,
Лесом,
Перелеском
Все дальше мчался «газик» наш.
И начал видеться пейзаж
В каком-то сумраке библейском.
Все странно: и любовь до слез
И отчужденность до страданья.
Казалось, красота берез
Уже стоит за некой гранью.
Казалось, время не бежит,
Казалось, стихла скоротечность,
Казалось, пасмурная вечность
Чего-то ждет
И сторожит...

Спешим —
По ветру в колесе! —
Наперерез беде тотальной
К той самой страшной полосе,
Зачем-то названной
Нейтральной...

* * *

Стоял он
На пустынной пашне,
Тоскливо накренив крыла
И плексигласовые башни
Высокие, как терема.
Стоял он, как бы облаченный
В одежду млечную стрекоз,
Стоял красивый,
Обреченный
И на распыл
И на разнос.

И на разнос
И на распыл.
Поздней он стал бы,
Будь плененным,
Опасней дюжины шпионов,
Врагом заброшенных
В наш тыл.

Ему не стыдно и не больно.
Он у врагов, в руках у них,
Мог стать предателем невольным
Крылатых родичей своих.

Он, одинокий, мог предать их
Еще в их чреве заводском,
И даже тех своих собратьев,
Что нарождались бы потом.

А он и так нам крови стоил
И жизни стоил,
Что скрывать!
Прав комиссар,
Его я строил
И точно знаю,
Что взрывать.
Так Бульба
На свое дитя
Глядел, терзаясь
Мукой схожей:
Я породил тебя, и я
Тебя сегодня уничтожу.

В нем, небокрылом,
Все слилось
В одну машину
Безызъянную.
Все вспомнил.
Сердце обожглось,
Как будто встретился
С Марьяною.

Не мучась именем ее,
Забуду все, как при контузии.
Взорву я прошлое свое,
Развею все свои иллюзии.
И для того, как адский взвар,
Клейменный чертовой печаткою,

Носил взрывчатку комиссар,
Потел и я над той взрывчаткою.

Мы тяжесть смертную внесли,
Встревоженные чем-то жутким,
В кабину, где к приборам чутким
Сходились нервные узлы.

Тут я увидел,
К небу зоркий:
По краю облака, врасплох,
Подобно санкам с белой горки,
К нам скатывался легкий «Шторх».
Казалось, нас мороз морозил,
А он, приметивший «ПЕ-2»,
Скользил с присвистом,
Как полозья
Скользят по синей
Глади льда.

Тот «Шторх»,
Тот «Аист» из ворон,
Что так недавно Риббентропом
Был нам в подарок поднесен
От покорителя Европы.

Тот «Шторх»,
Его я узнавал.
Как не узнать, когда всесветно
Он нагло вато стартовал
В те дни
Со всех полос газетных.

Покамест
«Аист»

Сел на дуг,
Пока рулил, мы поспешили
Порвать тугие бензожилы
И выйти через бомболук.

Во мне жил страх,
Но с плеч гора,
Когда, пропахшие бензином,
Мы запалили два шнура
И, пятась, поползли
В низину...

Два огонька
В траве дымили,
Шипели, как шипит гюрза.
О, как они похожи были
На комиссаровы глаза!
Тот полз, как плыл,
Скрывая плечи,
А я, хоть и совсем не трус,
Заслышав лязг не нашей речи,
Припрятался
За рыжий куст.

Смеясь,
Друг другу что-то каркая,
Враги уже так близко шли,
Что видел я
Планшетку с картою
Моей,
Моей,
Моей земли!

Они смеялись
В полный рот,

А справа гнул траву сухую
Винтом, кружившим вхолостую,
Их голенастый самолет...

* * *

Я вспомнил,
Что летал когда-то,
Что у меня была звезда.
Кто хоть однажды
Был крылатым,
Приписан к небу навсегда.
Земной, но в тяге к неземному
Приписан всей своей судьбой,
Кровинкой, клеточкой любой
Не просто к небу,
А к Седьмому...

Я знал, что взрыв,
Его рассеянье,
Накроет и меня огнем.
А «Шторх» стоял.
Свое спасение
Теперь я видел
Только в нем.
Скорей!
Минута дорога!
В кабину б сесть
И присмотреться.
В конце концов и у врага
На том же месте
Бьется сердце.

Фашисты могут убивать,
Но там же ставят элероны.
Науки мудрые законы
Они не могут попить.

Не знаю,
По моей ли воле,
Иль по своей,
Сыграв в козлы,
Машина поднялась над полем
С набором синей крутизны.
Она брала все круче, круче,
Она уже несла меня
Над взрывом,
Близким и гремучим,
Над жаркою взрывною тучей,
Над красной кипенью огня.

Она летела
С разворотом,
Казалось, на хромом крыле,
Как будто своего пилота
Высматривала на земле.
Высок был взрыв,
Огонь был плотен,
Была невидимой земля.
Я самолету дал руля
И крылья повернул на полдень.

На полдень!
На высокий свет,
Когда земля
Верней глядится.
На полдень,

Лучший из примет,
На полдень,
Чтоб не заблудиться.
Потом я глянул за пожар,
За отсвет горестного праздника,
Где на шоссе, застыв у «газика»,
Еще стоял мой комиссар.

Счастливый
Злого божества,
За счастье
Заплативший дорого,
Я сатанел от торжества,
Я пел и плакал
От восторга.
Я с песней юности летел,
Я плыл по синеве
С той песней,
Что Марьяне пел
В сибирской стороне.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Но в небесах скупых
Я звезд не видел голубых,
Не видел золотых.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Все время видел ту,
Опять попавшую в беду
Кровавую звезду.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Я видел с высоты,
Горевшие огнем беды,
Лишь красные цветы.

В огне ветров
От тех цветов,
Что родила война,
Летят засеять времена
Стальные семена...

Машина высилась
И высилась,
И ветер терся о бока.
Уже Седьмое небо близилось,
Уже редели облака.
На крылья падал
Свет полуденный,
На их кресты,
Чужие нам.
И вот зенитные орудия
Ударили по тем крестам.
Чужими крыльями возвышенный:
— Свой!.. Свой!.. —
Кричал я с высоты,
Но гневная земля не слышала
И снова целилась
В кресты...

И стала мысль моя
Пронзительной:
Неужто мне не долететь
И под личиной омерзительной

Вот так безвестно умереть!
Среди нескошенного клевера
Мои останки догорят,
Традиционного пропеллера
На месте том не водрузят.
По русским вековым традициям
И старики и ребята
Ославят это место фрицевым,
Не зная, что оно мое.

Ну нет!
Отринув мысли страшные,
Загадки загадав рулям,
Какие-то сверхпилотажные
Выписывал я кренделя.
Земную силу и небесную
Я заклинал заклятьем слов:
— Ты пронеси меня над бездною!
Ну, пронеси!
И пронесло.

И пронесло
Над всеми страхами,
И я сказал машине:
— Гут!..
Когда зенитки отбабахали,
Обидно стало:
Плохо бьют.

Так думал я,
Удачей хвастая,
Но тут же, радость омрачив,
Как факел, красный «И-16-й»
Вдруг вымахнул и застрочил.

Уже не ждал исхода доброго,
Знал наперед, смиряя дрожь,
Что от такого крутолобого,
Как от зениток, не уйдешь.
Забыл я и слова хвалебные,
Опять мне стало не до них.
Заход...
И звезды семинебные
Посыпались из глаз моих...
Заход...
Ошеломленный, раненный,
В сознание, что еще живой,
Косынку, помнится, Марьянину
Я выбросил над головой.
Должно, в секунду ту опасную
Меня лишь это и спасло...
Куда ее с каймою красною
Высоким ветром занесло?..
Мой разум
Потерял сознание,
Но даже в смутной пелене,
Им отданные приказания
Еще работали во мне.
И вдруг:
 Снижение...
 Снижение...
 Близка земля...
 Кусты...
 Трава...
Закон земного притяжения
Вступил в жестокие права.
И — ночь!..
И странное свеченье!
И бред,

И боль,
И страх в душе,
Что я упал на том ничейном,
На том горячем рубеже...

* * *

Зачем они?
Куда они?
Ко мне из ночи торопливо
Бегут бикфордовы огни,
Все к сердцу, к сердцу —
К центру взрыва.
Бегут огни,
Вот-вот удар...
Нет, это с огненным зарядом
Меня расстреливает взглядом
Неумолимый комиссар.

Был приговор
Суров и краток:
В распыл меня,
На синий дым
За то, что не пополз за ним,
Когда он уползал в распадок.
Печальный круг в моей судьбе
Замкнул он, холодно сказавши:
— Ответь мне, без вести
пропавший,
Что доложить мне о тебе?
Как ты, погибшие в позоре,
Как ты, утратившие честь,
Теряют имя...
— Имя есть!..

Я Горин!..
Я Василий Горин!..

— Эх, Вася, Вася,
Друг ты мой,
Мечтал я встретиться иначе... —
И вижу, плачет надо мной,
Но разве комиссары плачут?!
Да нет, такого не проймешь,
Нет, нет, не мог он прослезиться.
Нет! В комиссаровых петлицах
Птиц не было..
— Не узнаешь?..

В глазах
Еще туманы плыли,
Дрожала серая пыльца.
Вдруг ветерок — и проступили
Черты знакомого лица.
Синели щеки
В бритом глянце,
На лоб свисал
Цыганский чуб..
И вспомнил я аэроклуб
И Федю Зыкова, «испанца».
Так звался он, товарищ наш,
За то, что в памятное лето
Шумел, идя на пилотаж:
— Даешь Бургос!
— Даешь Толедо!

Уже тогда
Имел он виды

В своей цыганской голове
На крыльях
Подоспеть к Мадриду,
А подоспел
К родной Москве.
Былых фронтов
Сменился адрес,
А враг все тот,
Такой же злой.
— Что, Федя...
То есть дон Фернандес?
— Так... Радуюсь, что ты живой...

Слезился глаз
Слезой нетрезвой.
— Прости...
— За что?!
И он, обняв:
— Ведь это я тебя подрезал...
Ты понимаешь, Вася... Я!..
— Как ты?! —
Я застонал невольно
И памятью упал во тьму...
Но как бы ни было мне больно,
Случится — я опять пойму!

Поймет ли нас
Потомок дальний
И догадается ли он
О том, что к полосе нейтральной
Летели пули с двух сторон.
Он как бы и мудрей и старе,
Но где-то там, уже в раю,
В моем безумном комиссаре
Признает ли он кровь свою?

Мы все в пылу.
Мы прямо с пыла.
Не остудил бы скрип пера,
Что, дескать,
И не надо было
Все то, что было
У пра-пра...
Пусть будет так.
Но, встретив друга,
Оспорю мудрость
Всех наук.
Жизнь мчится
По закону круга:
Круг малый входит
В больший круг.
Любая точка замыканья
В итоге жизни и борьбы,
Как утверждение судьбы,
А вместе с тем
И отрицанье...

Прав и неверующих суд,
Но правдой очень поздней меры,
Которую солдаты веры
Своей борьбою принесут.
Все круг:
Круг радости и гнева,
Круг разрушенья,
Круг творца,
Круг от посева до посева,
Круг от рожденья
До конца...

КАРОЙ ЛИГЕТТИ

От яра к яру
То вплавь,
То вброд
Красные мадьяры
Идут вперед.

Каждый смельчак,
Смелей не надо...
(Позади — Колчак,
Впереди — Гайда...)

Ведет их,
Строен,
Черняв,
Но светел,
Поэт и воин
Карой Лигетти.

Ведет,
Не сникший
В тоске и грусти,
К огню привыкший
В отцовской кузне.

Ведет их,
Молод,
Узнавший с ними
Отцовский молот
В гербе России.

Ведет бесстрашно
Землей приюстной,
В гербе признавший
И серп отцовский.

Звезда узналась
Всех звезд отборней,
Что зарождалась
В отцовском горне...

*

Степные ветры
Им лица жгут,
Красные венгры
На бой идут.

Что ты таишь,
Берега кромка?
Впереди — Иртыш,
Позади — Омка.

Ревет река,
Волна шальная
Бьет в берега,
Как на Дунае.

В пагубе вод
Уже так близок,
Идет пароход
Белый, как призрак.

По боку синяя,
Синяя с красным
Ватерлиния
Горит лампасом.

— В родную дальность
Дорог немного.
Нам осталась
Одна дорога.

Два-три бота —
И хоть опасно —
Возьмем с палета
Этот лампасный!

Дойдем в боренье
До горных кряжей:
К Уралу,
К древней
Родне нашей.

*

Кипит разводье,
Звереют волны.
На пароходе
Блестят погоны.

Блестят погоны,
И огнебойно
Звенят патроны,
Входя в обоймы.

Вот первый выстрел
В тумане грянул,
Как будто вызрел
Цветком багряным.

Не цветом мая
Цветы горят...
Дети Дуная
Иртыш багрят...

В огне и дыме
Плывут средь волн,
И кровь за ними,
Как сто знамен.

Дуная дети
Домой плывут.
Слова Лигетти
Еще живут:

— Мы в этой жизни
Вдвойне богаче:
Нас две отчизны
В беде оплачут.

Оплачут,
Верю я,
Где нас взрастили.
Оплачут Венгрия
И Россия...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	5
НАШЕ ВРЕМЯ ТАКОЕ	
Наше время такое	11
С тобой, Россия	12
Другу	15
Сердца	17
Поколенья...	18
Средь тех, кому мечтается...	19
Гамлет в совхозе	20
Лицо века	24
Счастливая доля — гордиться друзьями...	26
Трудная гордость	27
Я понимаю нетерпенье...	29
Не бойтесь гневных...	31
Елки-палки...	32
Рабская кровь	34
Вождями, борцами, творцами...	36
О, Русь моя!.. . . .	37
Ровесница	39
Полынь-трава	41
Еще о Золушке	43
Я жил — не заметил...	45
Красивым	46
Мы постареем...	47

	Стр.
Что пользы...	49
В деревне	50
Я писатель...	52
И видел я незримое доселе...	54
Пересохла жаркие ручьи...	56
Любовь и хлеб	58
Трудовая книжка	61
Имя	64
Вспоминается детство...	66

НА РОДИНЕ МОЕЙ

Россия	71
Мне жизнь моя — не темный лес...	72
Где глухие своды нависали...	74
Говорят, что красоты не стало...	75
На родине моей выпали снега...	77
Все слова, слова...	79
Зимний ветер, гикни над елью...	81
Следы	83
Корни	86
Байкал	89
Север	91
Печора	92
Холмы, расшитые узорами...	93
Морошка	95
В глазах еще белым-бело...	97
Возвращение	98
Я не завидую орлам...	101
Озеро Кайдор	103
Костер	106
Хозяйка	109
Цветы, родившиеся ночью...	114
Стрижи	115
Забывтая дорога	116
Я не люблю немые реки...	117
Куда ни взглянешь, всюду лес горит...	119
Русская сказка	121

НЕ ЛЕВее СЕРДЦА

Мой читатель	125
От беды к беде...	128

	Стр.
Три воды	130
Не легко рожденному в Сибири...	133
Мы спорили	134
Муза	135
Хочешь ведать...	139
Ни в благодушии ленивом...	140
Судный день	141
Скульптор	142
Отдам народу...	145
Недругам	146
Мой знакомый, захмелевши, тужит...	147
Гуси	149
То млею, теплом разогретый...	150
Слепой	151
Все вижу: твой немой укор...	152
Оставьте мне тайну	154
На берегу	157
Осенний лес	159
Я атеист и поэт...	161
Слова — дрова	162
Дерзайте! — нам, поэтам, говорят...	164

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Совість	167
О, как быстро время мчится!	171
Счастливым, я не нужен никому.	172
Есть разная на свете тишина.	174
Отец	176
Колумб	180
Гимн корове	182
Блины	185
Да Винчи говорил...	187
Пророчество	188
Третьи петухи	190
Сенегальцы	193
Мир дремучий...	196
Мне говорят: пиши!.. . . .	198
Два лица	200

	Стр.
За что я мучусь...	203
Я уеду.	205
ИЗ КНИГИ ЛЮБВИ	
Любовь мне — как блисташие...	211
Всё речи да речи...	212
По главной сути жизнь проста...	213
Если б богом я был...	215
О женщина, краса земная...	216
Елена Прекрасная	218
Влюбленных шумно легко воз...	221
О ней	222
Березовый рай	229
Куда я — такой?	232
В Ленинграде	233
Измаянная тишиной...	235
„Неизвестная“	237
В своей скитальческой судьбе...	239
До того, как средь множества прочих...	242
Мне о том слагать бы оды...	244
Ветер ходит метелицей...	246
Я видел: еще до рассвета...	248
Лучше сразу бы сказала злое...	249
Еще недавно нам вдвоем...	250
Твердишь ты...	251
Ты говоришь: я мщением дышу.	252
В наше счастье веры больше нету.	254
Как умру, мое забудь ты имя.	256
Ландыши	257
Было все.	258
У моей у любви, у страсти...	259
Знакомо, как старинный сказ...	261
Я ушел.	262
Пришла и чуткою и нежною...	263
Не изменяй!	265
Не о такой, как ты, мечтается...	266
Угар любви мне мил и близок...	267
Да, да, скажу...	269
Припомню что-то — и душа не рада.	272
Мне сказали: полно, море смоег...	275
Любил, как сон, прелестную...	276

	Стр
Дымок свивается в колечки...	278
Второй огонь	280
Цыганка	282
Любка-Любочка	284
Семнадцать... двадцать...	287
Травница	289
Заграничное	291
Стройным хвастая станом...	295
Как хорошо, что за крутыми...	296
Крылья на полдень (глава из поэмы „Седьмое небо“)	298
Карой Лигетти	318

Василий Дмитриевич Федоров
КРЫЛЬЯ НА ПОЛДЕНЬ

Редактор *Н. И. Букин*
Художественный редактор *Г. В. Гречило*
Художник *В. А. Дугин*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *Л. А. Болдина*

Г-87018.	Подписано к печати 30.1.71 г.
Формат бумаги 70×90 ^{1/32} . Печ. л. 10 ^{1/4} . (Усл. печ. л. 17,9).	
	Уч.-изд. л. 9,412.
Бумага типографская № 1.	Тираж 25.000 экз.
Изд. № 4/1490.	Цена 1 р. 18 к. Зак. 554.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Федоров В. Д. Крылья на полдень.
Ф33 М., Воениздат, 1971 г.

328 стр.

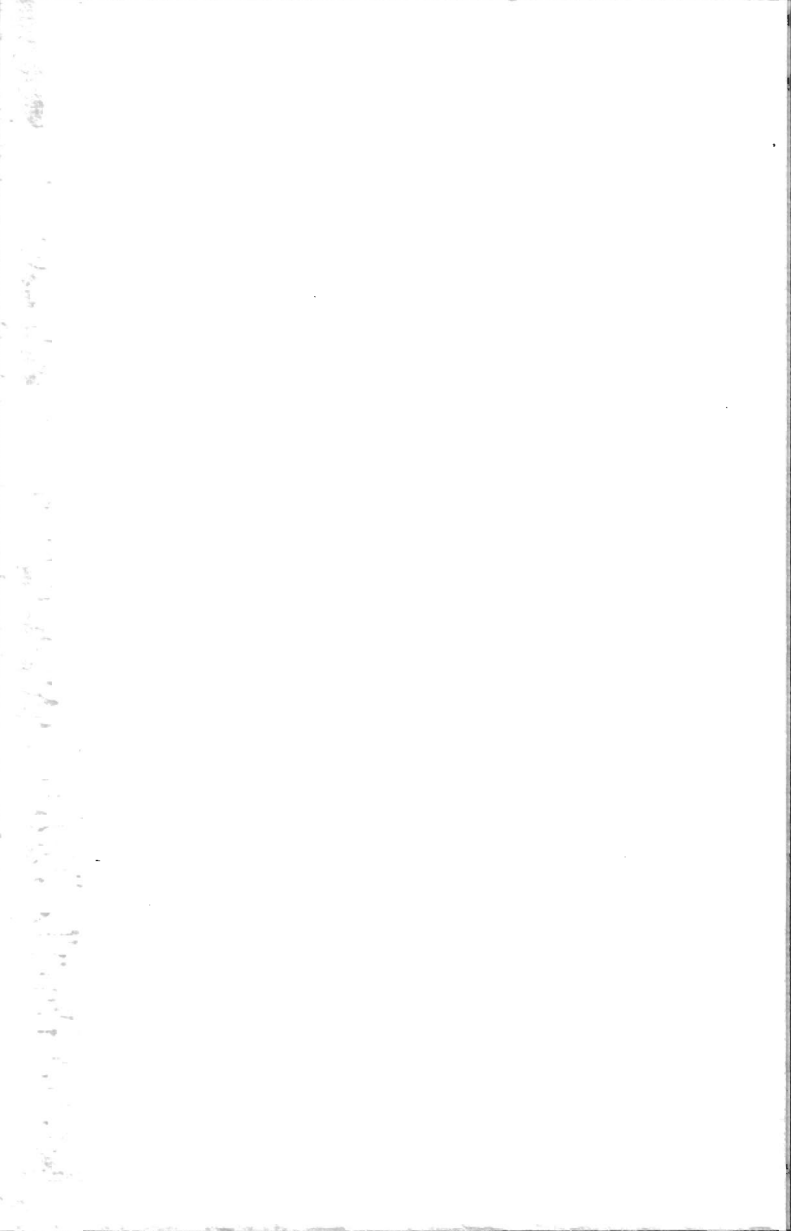
Василий Федоров — один из известнейших русских поэтов, автор многих сборников, отличающихся подлинно художественным мастерством, глубиной мысли, взволнованностью и яркостью ее выражения. За книгу стихов «Третья пегухи» и поэму «Седьмое небо» В. Д. Федорову присуждена Государственная премия РСФСР им. А. М. Горького.

В сборник «Крылья на полдень» вошли лучшие произведения поэта. Его лирический герой в постоянной борьбе. Всем существом он жаждет приближения гармонии, которую несет коммунизм, и поэтому ему ненавистно все, что мешает и препятствует этому.

7-4-2

P2

БЗ № 75 — 1970 г. — 15

THE HISTORY OF

17

17